

Фонсе

Фосудри

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Повесть

Письма, написанные сейчас,
подобны находкам прошлых веков.

Уайдлер Тронтон

1

Спустя много лет после того, как здание почты неоднократно переходило из рук в руки, наступил тот день, когда его наконец-то разрушили. Но самым удивительным было то, что за все годы, пока здание использовалось и под амбар, и под столовую, и тому подобным образом, никто не тронул почтовый ящик: он, как и в давние времена писем и почтальонов, все еще висел на стене на своем прежнем месте. Даже те, кто использовал почту как место обитания и ночлега, как будто не замечали запыленного, поблекшего ящика, или же он казался им чем-то священным, и сдернуть со стены и выбросить его они побаивались. Так почтовый ящик, забытый всеми столько лет, в тот день, когда здание почты наконец сломали, был сорван со стены и выброшен на дорогу. Дорога эта, широкая и прямая, когда-то была покрыта асфальтом, вдоль нее по краям арыков высились ивы, сосны и тополя, в тени которых гуляли прохожие, и все это напоминало о былом процветании живших здесь людей. С двух сторон от центральной аллеи возвышались выкрашенные в белый цвет здания правления колхоза, сельсовета, библиотеки, школы, клуба и больницы. На крыше сельсовета развевался красный флаг. Здание почты тоже стояло в этом ряду, но оно было выкрашено в синий цвет, в тон почтового ящика. Уже давно нет асфальтной дороги, деревья высохли, здания обветшали, их никто не красит, двери библиотеки и клуба заперты, и даже само понятие почты забыто.

В то время, когда разрушили здание почты и выкинули на дорогу почтовый ящик, из школы возвращались домой ее немногочисленные ученики. Никто из них понятия не имел, что такое почтовый ящик, а написание писем казалось им бессмысленным занятием давно минувших лет. Подростки с недоумением и любопытством глазели на старый ободранный почтовый ящик. Среди них был и внук почтальона Фархода – Навруз. Только он один из всех слышал какие-то рассказы о прошлом почты и почтового ящика, да и сам иногда заглядывал в

большой альбом, на страницах которого вместо фотографий были заботливо вклеены аккуратно вырезанные заметки из какого-то журнала. Этот альбом лежал на полке вместе с несколькими книгами в комнате деда, рядом с висевшим на стене сюзанае. Он иногда перелистывал этот альбом и находил в нем удивительные сведения о почтовом деле прошлых лет. В том альбоме красным цветом были отмечены месяц, год и название журнала, откуда дед сделал эти вырезки. Половина тех записей были старше отца Навруза, и когда мальчик прикасался к ним, его охватывало неведомое трепетное чувство. Дед собирал те вырезки долгие годы, начиная с его назначения на должность почтальона вплоть до неожиданного исчезновения и почты, и самого почтового дела. Что заставило деда заниматься этим альбомом, вопрос отдельный, но тот альбом для Фархода был самой желанной и редчайшей книгой во всем мире, и для того чтобы время от времени пополнять ее, он получал из Москвы и привозил в Магиян еженедельник «Почта СССР». Может быть, часть этой любви к письму и перу передалась по наследству и Наврузу, иначе чем объяснить то, что из всех проходивших мимо школьников именно он, неподвижно постояв несколько мгновений, пристально глядя на ржавый, ободранный почтовый ящик, поднял его и, водрузив на плечо, отнес домой.

Весна тогда уже собиралась покинуть эти края. Старый почтальон Фарход, одряхлевший до того, что с трудом перебирался с места на место, еле перетаскивая свои старые, холодные, искривленные кости, которые давили на позвоночник, причиняя ему адскую боль, несмотря на это не хотел опираться на палку, боясь, что это приблизит ледяное дыхание смерти, и тем самым показывал свою стойкость перед ее предупреждениями и угрозами. Он был похож на постаревшего и больного льва, выгнанного из стаи, который до последнего вздоха гордо ступает, не опуская головы, и умрет, стоя на своих лапах. Вот таким человеком был почтальон Фарход. В тот момент, когда его внук с почтовым ящиком на плече вошел в ворота, он был в саду и, скрестив руки за спиной, уставшим взглядом смотрел на грушевое дерево, размышляя о том, какой урожай оно принесет. Фарход был искусным садоводом, особенно он любил заниматься прививанием разных растений, даже больше, чем почтовым делом. Большой альбом с ценными для него записями мало кому был интересен, а вот тополь, возвышавшийся рядом с его садом, у которого на одной ветке цвели белые розы, а на другой красные, вся деревня знала и приходила на него смотреть. В его саду не было ни одного «чужака», все деревья были выращены на земле и воде Магияна, некоторые из них, такие как каян-груша, имели даже свою родословную. Когда Фарход видел, как земляки из жадности к деньгам вырывали местные сорта, а взамен высаживали саженцы, привезенные из чужих краев, он с сожалением говорил: «Как жаль, если в будущем наши потомки не будут знать, что такое сахармуруд, беломуруд, черномуруд, шахмуруд, дилафруз-груша, каян-груша, золотое яблоко, белый налив, красное яблоко, желтое яблоко, яблоко-цветок, белое яблоко, хубани, хусниусуф, гуломади, гулбанди, амири, туршак, ширинак, чарсак, абрикосы исфарак, кафак, лучак, кандак, джавпазак, бабаи, хурмаи, мирсанджали, ахрари, махтаби¹, и забудут их вкус». И для того чтобы они не исчезли и не были преданы забвению, он ежегодно брал ростки от старых деревьев и прививал их к молодым саженцам. Он любил рассказывать целые легенды об истории появления в их деревне каян-

¹ Названия местных фруктов.

груши, особенно тем, кто приходил любоваться на его розотополь, грушомуруд, сливочерешню, балхисахтут и прочие удивительные растения.

– В далеком прошлом, о котором теперь невозможно вспомнить, что это было за время, один наш земляк добрался до Кабула. Никто не может сказать, зачем он преодолел такой дальний путь, но он добрался до этого города сказок и легенд. Поговаривают, что его предки были выходцами из той местности, и он направился на поиск своих корней. Может быть, это так и было, старожилы Магияна рассказывают, что еще до недавних пор в горах была тропинка, которая связывала нашу деревню с Гисарской долиной, а там до Кабула рукой подать. Неизвестно, нашел он там или нет хоть какие-то признаки своих предков, но легенда о том, как он гостил у самого кабульского шаха, до сих пор жива. В Кабуле того времени было принято, чтобы шах каждого приезжего приглашал к себе во дворец и несколько дней потчевал гостя, а сам весь превращался в слух, вникая в рассказы о жизни чужестранцев; это было одним из его любимых занятий. Еще шах щедро угощал иноземца лучшими фруктами из садов Кабула. Наш земляк, попробовав каян-грушу с шахского дастархана, залюбовался ею. Она не была похожа ни на один фрукт, который ему приходилось пробовать до тех пор: небольшая, она легко умещалась в ладонь, кожура у нее была светло-розовой, мякоть зернистой, но ее сочность и вкус невозможно описать никакими словами. Ему показалось, что это фрукт из райского сада. Гость попросил щедрого хозяина показать ему грушевое дерево. Садовник шаха повел гостя в сад. Ветви дерева под тяжестью обильных плодов сгибались, наклонившись к земле, его белесая кора выглядела, как гладкая красивая ткань, шелест и блеск ярко-зеленых листьев заставляли сердце радостно биться. Садовник сказал: «Каяниды² родом были из этих мест, а город Кабул был столицей их государства, и этот фрукт в те далекие времена выращивался только в их саду. Потому груша была пищей исключительно для шахов; обычным людям она была недоступна. Когда ножницы смерти перерезали нить их жизни, и длинные руки времени стерли их имена со страниц истории, люди потихоньку стали разводить это дерево в своих садах, назвав этот фрукт “каян”. Груша-каян растет только в кабульских садах...»

Любовь и привязанность к деревьям и садоводству была в крови у нашего земляка, поэтому он сказал садовнику шаха: «Мне очень хочется, чтобы каян рос и в наших садах. Если ты разрешишь, то я хотел бы отвезти его в свою родную деревню. Но как я доведу его так далеко?»

Садовник, как никто другой, понимал душевное состояние приезжего и, подумав немного, сказал: «На окраине сада Бабура³ есть пруд, на берегах которого растет тростник шириной в два больших пальца. В далеком прошлом из него делали копьа; когда придет время прививать дерево, срежь один стебель этого камыша и приходи ко мне».

До той поры как надо было прививать деревья, было еще далеко, но наш земляк так горел желанием увезти с собой каян, что ни о чем другом не мог и думать. Что с ним было до того дня, как исполнилось его желание, неизвестно, но однажды утром со стеблем тростника в руках он появился у садовника шаха. Садовник долго выбирал и шупал ветки дерева, затем срезал одну почку от ветки каяна, осторожно поместил ее внутрь тростника и замазал отверстие пчелиным

² Каяниды – династия древнеиранских царей.

³ Бабу-мирза – потомок Тимура, основавший в Индии государство Великих Моголов.

воском: «Как сделаешь прививку, в каждый восход солнца до того, как появится росток, набери в рот глоток молока и брызни на нее. Лучше, если это будет молоко молодой женщины...»

Никто не знает того, каким молоком брызгал на тот каян наш земляк, однако история появления этого фрукта в нашей деревне именно такова...

Почтальон Фарход каждый раз на этом месте заканчивал повествование, но было еще несколько строк, которые он говорил только себе, а перед другими их не произносил. Фарход был уверен, что его корни восходят к тому безвестному трудолюбивому садовнику, потому что он тоже любил растить деревья. И если бы не военное время и запреты властей, Фарход никогда бы не стал почтальоном, а, может быть, как тот достойный муж, трудился бы в саду и остался в памяти поколений, как тот садовник.

2

В ту пору главным начальством для Фархода и жителей Магияна был председатель сельсовета Хамдам Одина. Сельчане, произнося слово «власть», подразумевали под ним его одного, а когда упоминали еще кого-нибудь из его подчиненных, говорили «власти». Хамдам Одина был скромным и спокойным по характеру мужчиной среднего роста, с бельмом на правом глазу. Он носил брюки галифе, китель и фуражку, которые всегда выглядели чистыми, как будто их сшили из какой-то особой ткани, предназначенной для хождения по пыльным улицам деревни. А зимою к ним прибавлялась шинель с блестящими желтыми пуговицами, на которых были выбиты пятиконечные звезды, серп и молот; в Магияне только он так одевался. Поговаривали, что эту одежду Хамдаму подарил один русский человек, начальник городской почты. Тогда Хамдам Одина работал еще в своей деревне, поблизости от города, в который и приехал тот русский, чтобы наладить работу тамошней почты. Дружба между ними началась с тех самых дней. В Магияне он был настолько погружен в работу, что все время сидел в своей униформе на почте, часто до утра. Поэтому у него всегда в углу комнаты лежали свернутые матрац, подушка и старое одеяло. Никто не мог сказать, пользовался ли Хамдам Одина ими хоть изредка, потому что сослуживцы видели его единственный здоровый глаз всегда красным и воспаленным из-за усталости, бессонницы и неустроенности жизни. Он жил в гостевом доме Устофаяза, кости которого, вероятно, уже истлели где-нибудь в сибирских болотах, поэтому ему уже было все равно, кто коротает ночь в его доме. По рассказам односельчан, помимо торговли и земледелия Устофаяз занимался пошивом обуви: из воловьей и козлиной кожи он шил такие чудесные чорухи⁴, что человеку, которому доставалась такая обувь, становилось жалко надевать и портить такую красоту. Говорят, что он в свободные от основного занятия часы предавался этому увлечению; пошив обуви был для него отдыхом. Во времена, когда эта долина была в руках басмачей, их главарь, услышав о мастерстве Устофаяза, заказал для себя чорухи. Недоброжелатели-враги Устофаяза воспользовались случаем и донесли на него «органам»... Теперь нижний и верхний этажи его дома использовались под магазин, амбар и прочее. Гостевая комната, в которой жил председатель сельсовета, одновременно была и почтой.

Хамдам Одина, до того, как прибыл в Магиян, как было уже упомянуто, работал в своей родной деревне, и там он тоже иногда засиживался до рассвета на

⁴ Чорухи – разновидность национальной обуви.

работе. С начала весны до конца осени, с утра до вечера он пропадал на полях и пастбищах; смотрел за посевом, жатвой, гумнами, садами, стадами, а в сумерках возвращался в кабинет, садился за стол и принимал посетителей и просителей. Потом разбирался с кучей бумаг, но бывало так, что иногда, уронив голову на руки, засыпал до рассвета. Однажды, когда он под утро неожиданно вернулся домой, то увидел соседа, выходящего из ворот его дома. Сердце у него бешено заколотилось, выпрыгивая из груди, дыхание перехватило, в глазах потемнело закружилась голова. На его вопрос: «Что сосед делал в нашем дворе?» – жена ответила: «У него потух огонь в очаге, он приходил за спичками». В те времена спички были редкой вещью, и не в каждом доме имелись. Однако Хамдам по тону и взгляду жены понял, в чем тут дело, накиннул чапан на плечи и покинул свой дом. Тогда он поклялся, что ноги его не будет на этой земле, а женщину как таковую он вообще выбросит из своего сердца.

В Магияне в те годы письма отправляли через председателя и обратные письма у него же и получали. У почты не было ни ящика, ни начальника. Был только старый почтальон, который раз в неделю верхом на осле доставлял почту в город, а через два дня привозил из города и вручал ее прямо председателю. В день приезда почтальона люди кругами ходили вокруг дома Устофаяза. И там стоял тогда такой галдеж, утихомирить который удавалось лишь Хамдаму. Каждый раз, выходя с пачкой писем из дверей почты, которая была и его жилищем, он поднимал руку вверх, и шум мигом утихал. Так было в начале войны, в те дни, когда еще немногих из Магияна забрали на фронт, а черные письма-похоронки оттуда пока еще никто не получал. Но вот через год, когда длинная рука войны добралась до каждого дома, а из некоторых домов увела по два-три человека, и черных писем стали получать больше обычных, тогда Хамдаму Одина стало все труднее выходить из дверей почты. Его беспокоили не мужики, ведь в деревне остались одни старики и подростки. Он думал о женщинах, потому что, когда он вручал похоронку женам и матерям и сообщал им о гибели их сыновей и мужей, ему было так тяжело смотреть им в глаза, что Хамдам Одина не знал, куда девать свой единственный зрячий глаз. Он постоянно думал о том, как избежать, не встретиться с этими тяжелыми, пугающими, раздирающими душу взглядами, но не находил выхода...

Он давно и много думал о переносе почты в другое помещение и о том, как улучшить ее положение, заменить старого почтальона. Старый почтальон и его осел были первой преградой на пути устранения этих трудностей. И вот Хамдам зашел в правление колхоза, чтобы попросить коня для почтальона, на что председатель сказал:

– В коровнике среди волов есть старый конь, но он вам не подойдет.

Хамдам Одина пошел в коровник, осмотрел коня: тот был еще не старый.

Он тогда зашел к председателю с другой стороны:

– Письма воинов должны быстро доставляться семьям, а из семей к ним.

Партия так требует...

Хамдам Одина знал, что говорить, и председатель колхоза не нашелся, что сказать в ответ. Приобретение коня был первым шагом, который он предпринял для улучшения работы почты; теперь надо было найти почтальона, чтобы тот был молодым и грамотным, чтобы груз приема и выдачи писем переложить со своих плеч на его молодые плечи. Однако где найти такого человека в это тяжелое время?

3

Озод и Устофаяз были соседями, их дома стояли напротив друг друга. В день, когда органы арестовали Устода, Озод был единственным мужчиной, который им сказал: «Плоды дерева едят и друг, и недруг, но из-за этого не рубят само дерево...» На следующий день его забрали в город, правда, через неделю отпустили. «Иди домой и держи язык за зубами!» – посоветовали ему. Озод был первым из мужчин Магияна, который ушел на войну, и единственный его ребенок Фарход каждую неделю писал ему письма. Тогда-то Хамдам Одина его и заметил. Фарход был высоким и статным парнем, председателю сельсовета нравилась его манера говорить и вести себя спокойно и с достоинством. Парень не размахивал руками во время разговора, не мотал головой; казалось, что он следит за собой со стороны и старается не делать лишних движений. Хамдам Одина такое видел впервые, и когда пришла похоронка на Озода, уважение, которое он уже давно испытывал к юноше, переросло в отцовские чувства, – несчастный подумал, как хорошо было бы, если у него был бы такой сын. Он невольно вспомнил родную деревню и свою жену, у него снова защемило сердце, безысходность и уныние охватили все его существо. Когда он вручил Фарходу похоронку на отца, то увидел, как тот, зажав в руке бумагу, окаменел, подбородок у него задрожал, и чтобы скрыть это, он закусил губу и посмотрел в глаза Хамдама Одины. Этот взгляд перевернул всю его душу: столько скорби и боли было в этом взгляде, и напомнил ему о его прошлом и о связанных с ним горестях и печалях. Во взгляде молодого человека стоял немой вопрос: почему? Если бы во взгляде Фархода были ненависть и злоба, страх и отчаяние, может быть, Хамдам Одина пожалел бы его, положив руку на его плечо, сказал бы, что такова судьба, тем самым обманывая и его, и себя. Однако в глубине глаз юноши он увидел вопрос, на который вот уже много лет сам искал ответ, но не находил. Он довел себя до состояния внешнего безразличия, превратившись в раба своей работы; для него, видимо, это было бегством от себя и от многих таких вопросов. Поиски неизвестных ответов иногда уводили его за пределы времени и пространства, он задумывался о бытии и небытии, о творении, о грехе, о милости, о рае, об аде. Но в конце концов он запутывался и спрашивал у себя: а потом что? Вот тут-то и наваливался тяжелый груз на его душу, потому как во всей жизненной суете он не находил смысла; мир казался ему пустой, бессмысленной и жестокой игрой. Вспоминая свою жену с ее густыми и длинными ресницами, красивыми голубыми глазами, свою любовь к ней и то раннее утро, он снова спрашивал: почему? Но он никогда и никому не жаловался на судьбу, когда было невыносимо трудно; он думал, что боль и страдания сердца должны быть похоронены в нем самом, а сердце должно стать могилой, и клялся себе, что больше таких мыслей не допустит в своей голове, и вновь целиком погружался в работу – работа для него была и обезболивающим, и успокоительным. Если бы у Хамдама Одины не было работы, то этот комок плоти под названием сердце под тяжестью таких вопросов давным-давно был бы раздавлен. В тот день, когда он передавал Фарходу похоронку на отца, во взгляде юноши он вдруг увидел подобие себя и невольно всем сердцем проникся к нему отцовской любовью.

После проведения поминок – на сороковой день после смерти Озода, в одно быстротечное весеннее утро, когда мир выглядел таким свежим, просторным и чистым, наполненным запахами цветов и растений, земли и деревьев, а горести, печали и страдания казались чуждыми человеческой душе, Хамдам Одина при-

гласил Фархода на почту, которая одновременно служила ему и жилищем. До того утра никто из жителей Магияна не пересекал этого порога; они лишь два раза в неделю собирались вокруг этого дома, когда Хамдам принимал у них письма на отправку, а присланные выдавал адресатам, на этом встречи и заканчивались. Но когда Фарход в то утро пересек порог почты, тем, что покорило его и заставило уже никогда не расставаться с почтой, был запах, исходящий от стола, стоявшего у двери. На столе стояла чернильница с ручкой, лежали пачка писем, тетрадь и печать с подушечкой, и от этих вещей исходил заманчивый незнакомый запах, который не был похож на все те запахи, которые до того приходилось Фарходу обонять; это был запах из другого мира, от которого затрепетала его душа, а мысли пришли в замешательство. От этого запаха почты душа его пришла в смятение, тело ощутило возбуждение, он попеременно испытывал то чувство радости, то печали. Запах, который исходил от почты: от чернильницы и писем, от печати и тетради, растекался вокруг, говорил о могуществе и силе, невольно уводил мысли к неким знающим и могущественным людям, находящимся где-то далеко отсюда, и в этом заключалась причина душевного смятения молодого человека. Почта не имела, подобно другим учреждениям, на стенах ни портретов, ни карт, ни лозунгов или плакатов, и если не было бы стола у двери и приборов на нем, то она ничем не отличалась бы от других домов деревни. На стене, со стороны Киблы, висело сюзане (то, которое теперь висит рядом с книжной полкой в спальне Фархода). Это мать Хамада вышила белыми, зелеными, красными и черными нитками красочные полукруги, трех- и четырехугольники, символично отражающие жизнь и смерть, землю, небо и солнце. Но для Хамдама Одины сюзане было чем-то на подобие чудотворной иконы, и каждый раз, когда он смотрел на него, в мыслях вдруг оживали картины детства: он видел деревню, горы, реки и родники, и тогда боль, усталость, печаль и разочарование уходили из его сердца. Поэтому он хранил его как бесценное сокровище и никогда в своих скитаниях не расставался с ним. Когда взгляд Фархода упал на сюзане, он отвлекся от почтовой атмосферы, забыв про этот сильный и проникающий запах, исходящий от рабочих приборов, и успокоился. В ту пору это была его пятнадцатая весна.

Когда Фарход шагнул на почту, председатель сельсовета начал с ним разговор с того, что, на его взгляд, должно было заинтересовать любого молодого парня, закладывая в его душу высокие мечты и желания:

– Председатель колхоза думал, что Хамдам Одина не разбирается в лошадях и не умеет ездить на них. Сказал, что у него есть старый и изможденный конь, но, увидев его, я понял: если ему чуточку прибавить ячменя, он станет лучшим конем этой долины. Пастух смотрит на коня тем взглядом, которым смотрит на коров. Он не знает, что у коня другая натура; у коня есть чувства, думы, гордость, он различает добро и зло, понимает радость и печаль, даже плачет... А бедняга даже имени не дали. Это сделаешь ты...

Фарход Озод понял, что речь идет о том коне, на котором колхозный пастух, восседая верхом, без седла, каждый день в полдень гонит стадо к реке на водопой. Председатель сельсовета хочет, видно, сделать его пастухом, поэтому говорит, чтобы он дал коню имя. Юноша много раз видел пастуха верхом на коне и его стадо, и когда шагал мимо них, ему и в голову не приходило, что судьба однажды сведет его с этим конем. Он пытался вспомнить, какой масти был конь, но не мог. Он вновь ощутил резкий запах, исходивший от стола, чернильницы и лежавших

на столе писем, и сердце юноши вдруг наполнила печаль. Он, как любой другой парень, мечтал о многом, но, услышав сказанные председателем слова, представил себя сидящим верхом на неоседланном коне и невольно подумал о том, что Хамдам Одина прибыл сюда с другого, далекого конца света и поселился в этой комнате только лишь затем, чтобы погубить его прекрасные мечты и сделать его несчастным. В то мгновение его сердце наполнилось ненавистью к этому человеку, к своему сломанному счастью, к этой подлой судьбе и изменчивой жизни: комок обиды застрял у него в горле, перехватив дыхание, и он, в надежде скрыть свое состояние, упавшим голосом произнес:

– Я не хочу быть пастухом...

Хамдам Одина не отреагировал на слова юноши и на то, что тот, не дослушав до конца и неправильно истолковав сказанное, прервал его. Это его не обидело, и он, будто и не слышал возражения юноши, продолжил как ни в чем не бывало:

– Заслуги коня перед человеком велики. Уже много тысяч лет конь служит человеку, возит его и его грузы, далекое делает близким и тяжелое легким. Если это было бы в моей власти, то на самых красивых улицах мира я бы поставил коню золотые памятники. Потому что конь за свою службу человеку никакой благодарности от него не получал; трудился, отдавал жизнь и был забыт. В Первой мировой войне погибло пять миллионов коней, и Бог знает, в этой сколько погибнет. Но человек забыл все заслуги коня. За всю историю мы знаем несколько имен: Рахш, Шабдез, Буцефал, Хуба... Да и то, это имена коней, которые служили богатырям, королям, властителям и завоевателям мира сего...

Рассказ Хамдама Одины так захватил юношу, что он забыл и о волах, и о пастушестве, невольно вспомнив учителя истории Ораша Ораза. Этот учитель в начале каждого урока говорил ученикам: «То, что есть в учебниках, вы сами можете прочесть и понять, я же расскажу вам то, что вы там не найдете». Однажды, говоря о походе Александра Македонского в Самарканд, он рассказал легенду о его коне Буцефале.

– Садясь на Буцефала, Александр становился великим полководцем, и его меч заставлял противника спасаться бегством, как будто его тело и душа получали от коня мощную энергию, делая его могущественным. Будто Буцефал был телом, а Александр душой или наоборот. Раздельно друг от друга они превращались в двух обыкновенных земных существ: конь был как все кони, а мужчина – как все мужчины. Эту тайну никто, кроме Александра, не знал, и он оберегал коня, надевая на него специальные доспехи, и только глаза и ноги коня были не защищены. За Буцефалом ухаживали обученные конюхи и смотрители, посторонним было непросто приблизиться к коню.

Маг Виштасп как-то наблюдал за битвой греков с согдийцами, стоя на крепостной стене города. Наблюдая за Александром и его конем, он понял тайну победы неприятеля: полководец впереди строя на своем удивительном коне казался сияющим солнцем в окружении тускло мерцающих звезд. В конюшне Виштаспа была кобыла белой масти с широким крупом, длинной шеей и черными глазами, которую он любил больше всего на свете, считая ее неземным созданием. Удивительным было то, что каждый год во время течки вокруг кобылицы образовывался словно нимб, что, подобно лунному свету, окружал ее ореолом, то расширяясь, то уменьшаясь, как будто это было живое дышащее существо. Но секрет этого явления был в сильном запахе: жеребец, попадая в ореол этого запаха,

начинал совершать бешеные прыжки, душераздирающе ржать, будто острый меч вонзался в его сердце, тогда даже ловкие и сильные наездники не справлялись с таким конем. Александр пошел походом на Самарканд как раз тогда, когда только образовался нимб вокруг туловища кобылицы. Маг Виштасп сказал согдийцам: «Александра с его конем на равнине нам не одолеть. Возьмите кобылицу с собой и устройте ложный отход в горы, чтобы заманить врага туда. Как увидите, что Буцефал подходит близко, столкните кобылицу со скалы вниз. Нимб вокруг ее туловища и запах тела увлекут за собой Александра и его коня. Мне тяжело расстаться со своей кобылицей, но войны без жертв не бывает...»

Маг Виштасп знал много загадок и тайн мира, но не знал, что Александр не всегда ездил на Буцефале. В его войске был табун быстроходных коней, к которым был приставлен другой конюх, и каждый раз в поход Александру седлали одного из этих коней, и когда войско Александра преследовало согдийцев, он восседал на одном из тех коней. Но Буцефал, который в сопровождении конюха и отряда охраны передвигался отдельно, почуяв запах кобылицы, начал неистовствовать. Согдийцы понимали это и в тот момент, когда подошли к месту, указанному Виштаспом, столкнули кобылицу с обрыва, и увидели, что она полетела как птица, окруженная своим нимбом, а немного погодя стала облачком, которое, коснувшись самого дна ущелья, превратилось в красивое озеро. Это внезапное превращение настолько поразило согдийцев, что они не заметили, как Буцефал с отчаянным ржанием, оборвав поводья, вслед за летящим облачком кинулся в пропасть и, продолжая ржать, упал в образовавшееся озеро и исчез. Ржание Буцефала еще долго отдавалось эхом в окрестных горах, а затем стихло. Александр целую неделю заставлял пловцов обследовать озеро, но те говорили, что вода там как молоко, и на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. И Александр потерял надежду обрести вновь своего коня, и с того дня, как Буцефал исчез, началось его поражение в этой стране.

Спустя много дней, месяцев, лет и веков сказание о маге Виштаспе и его кобылице стерлось из памяти людей, но поход Александра в Самарканд и исчезновение Буцефала в озере крепко засели в памяти народа, потому что эти двое пришли сюда как захватчики, с недобрыми намерениями. Легенда же привела к тому, что люди стали называть озеро на дне ущелья Искандаркуль, то есть Озеро Александра⁵. Говорят, что Буцефал до сих пор живет там. Раз в месяц, в полнолуние вода в озере становится прозрачной, и конь, витая вокруг него, видит горы и, вспоминая своего хозяина, издает душераздирающее ржание, и звуки его долго отдаются эхом в горах и ущельях. Кажется, что будто не конь, а горы стонут...

Ораш Ораз на этом месте делал перерыв, а немного погодя продолжал:

– Но если говорить правду, то известно, что Буцефал был убит в бою. Отец Александра купил этого коня за триста сорок килограммов серебра и подарил сыну в честь его совершеннолетия. Буцефал был очень строптивым и непослушным конем, на которого никто не осмеливался сесть. Александр, долго наблюдая за повадками Буцефала, наконец узнал секрет его строптивости: не боявшийся ничего конь боялся своей тени. Александр, повернув коня к солнцу так, чтобы тот не видел свою тень, смог покорить его. Восседая на нем, Александр проделал путь от Греции до Индии. Буцефал много раз спасал его из когтей смерти, но тут

⁵ Правильный вариант Искодаркул – от согдийского «искода» или «искодар», что означает «озеро на высоте». – Прим. автора.

сам попался в ее лапы. Александр построил на месте его гибели город Буцефал, который ныне известен под названием Лахур...

Фарход Озод, слушая рассказы Ораша Ораза, как будто покидал свое тело и, как птица, мыслями улетал в другой мир: он ничего не видел, не слышал, не чувствовал, его душа погружалась в глубины безграничной радости и покоя. Сказки учителя обладали такой силой, которая хоть ненадолго накрывала грубое лицо мира нежной цветной шалью, уничтожая страх, растерянность и безысходность. Фарход любил уроки истории, и из всех учителей больше всего уважал Ораша Ораза, и вот когда Хамдам Одина говорил о коне и его служении человеку, в его памяти невольно ожило сказание об Александре и Буцефале, и вновь то сладкое и завораживающее состояние охватило его, напомнив ему школу. Но то, что этот человек сказал потом, восхваляя коня и осуждая человека, сразу спустило юношу из того сказочного мира на землю, и снова сердце его наполнилось горечью.

Хамдам Одина встал и, подойдя к Фарходу, положил руку на его плечо, и, может быть, чтобы не дать ему времени отказаться, прямо посмотрел в глаза и сказал:

– Почтальон с его ослом уже никуда не годятся: он сам старый, его осел хромой и неуклюжий. Я взял в колхозе для тебя коня – теперь ты будешь ездить в город...

Слова Хамдама прозвучали как приказ, это было так неожиданно, что Фарход разволновался и растерянным поникшим голосом, чтобы хоть что-то сказать, произнес:

– Я как получу аттестат, пойду учиться...

Хамдам Одина уже более мягким тоном ответил:

– Закончится война, сам отвезу тебя учиться...

4

В тот день молодого почтальона провожали в город почти так же, как на войну. Различие было в том, что проводы на войну сопровождались плачем и рыданиями, а в проводах почтальона для людей были надежда и радость, будто после ухода старика с его ослом и с появлением молодого парня с конем в их жизни изменится ход событий, и черные письма с войны не станут приходить в деревню. В тот момент, когда сам Хамдам Одина держал под уздцы коня, и Фарход вставил ногу в стремя, деревенские жители поверили, что с этого дня в их жизни открывается новая страница, потому что сам факт нахождения «власти» рядом с сыном Озода был неслыханным событием и не укладывался в их головах. Хамдам двумя руками держал под уздцы коня сына Озода, как будто он был конюхом, а тот – председателем. Фарход Озод, опьяненный этим событием, почувствовал легкое головокружение: он впервые садился на коня и ощущал на себе такое количество прикованных к нему взглядов. В самом положении седока было что-то пробуждающее, возвышающее чувства, возбуждающее, переполнявшее его сердце, что, смешавшись с его кровью, наконец превратилось в переполнявшее его чувство радости. Фарход с детства любил высоту, особенно высоту Мугдиза⁶. Когда оттуда смотришь вниз, сады, дома и улицы деревни кажутся нарядными, чистыми и красивыми, не такими, как когда проходишь по этим улицам, гуляешь в садах и живешь в этих домах, и все кажется разбросанным, невзрачным и беспорядочным. Высота Мугдиза делала деревню похожей на картинку, как будто каждый

⁶ Муг (mag) – потомственный зороастриец; мугдиз – зороастрийский храм.

дом, каждая улица в ней были начерчены, как необходимая линия, нанесенная художником; там ничего не было лишнего и бесполезного. И когда с той вершины маленький Фарход искал и находил свой дом, представляя там своих родителей, то его сердце наполнялось такой радостью, будто он вспоминал давнюю прожитую им жизнь, утоляя тоску по жизни какого-то другого существовавшего в нем самом человека. Желание испытать эту тоску вновь и вновь тянуло его туда, на вершину Мугдиза. Однако высота, которую он ощущал, сидя верхом на лошади, – это была совершенно другая высота; ее ликующая радость обладала энергией, давая ему почувствовать себя смелым и сильным, забыть страх, опасения и стеснение.

В тот день это чувство долго не покидало Фархода, – и когда конь шел по песчаной тропинке перевала Вачагна, и когда цокал копытами по мостовой города, где от соприкосновения подков с камнем будто играла некая музыка с приятной мелодией, – к ощущениям его души и тела прибавлялись какие-то другие радости. И молодой человек впервые в жизни почувствовал себя счастливым. Фарход не знал, что такое счастье, как оно достигается, как познается и почему человек вдруг считает себя счастливым. Он иногда догадывался, что в нем существует множество «я», которые только и делали, что боролись друг с другом, желания одного отрицались со стороны другого, вдруг на первый план выходила находка третьего, который хотел быть сильным, смелым и целеустремленным; эти старания и рвения на уровне мыслей и чувств заставляли его метаться и мучиться душевно. Сладостные звуки, вид красивой вещи, вдыхание приятного запаха, получение доброй вести вмиг останавливали эти метания души, и он обретал гармонию и блаженство. В тот день, когда конь шел по песчаной тропинке, а затем топот его копыт отстукивал приятную мелодию, Фарход Озод ощущал такое же блаженство. А еще в тот день он впервые приехал в город один, да еще по государственным делам, поэтому к радостному ощущению независимости и свободы прибавлялось какое-то приятное волнение и желание жить, мир казался ему огромным и прекрасным.

Здание почты находилось в центре города, в ряду других домов, стоявших вдоль улицы. Когда конь вступил на каменистую дорогу, Фарход вынул письмо, написанное Хамдамом начальнику почты и, следуя описанию, быстро доехал до нужного места; председатель говорил: как доберешься до города, первое здание с красным флагом на крыше и есть почта. Юноша обрадовался тому, как он быстро добрался до нужного места, восприняв это как добрую приметку, и, спешившись, вошел в ворота почты; чувства радости и волнения переполняли его сердце. Здание почты широким фасадом выходило в большой сад, вдоль дорожки, ведущей от самых ворот к дверям почты, были высажены цветы, некоторые сорта, скорее всего, привозные, Фарход вообще видел впервые. Он даже не знал, что цветы можно сажать в саду, перед домом. В Магияне цветы росли на холмах и горных склонах, они были не такие высокие, дерзкие и беспечные, они были нежными, стеснительными и задумчивыми, прикосновение к ним вызывало в сердце человека щемящую тоску, радость и нежность, наполняло его чувством любви и благодарности. Для Фархода из многочисленных полевых цветов ни один не казался таким красивым, как бахмангуль⁷. Этот цветок прорастал, когда замерзшая и еще голая черная земля наполняла сердце печалью и тоской, не оставляя места для

⁷ Бахмангуль – подснежник («бахман» – название месяца авестийского календаря, «гуль» – «цветок»).

радости и веселья. Фарход любил бахмангуль за то, что он казался ему дерзким и смелым, он не боялся мороза, стараясь любым путем выделиться и показать себя во всей красе. Вот это стремление быть не таким, как все, не потеряться среди других, может быть, и делает этот цветок таким, что он, не дожидаясь прихода весны, не боясь снега и мороза, прорывает земную поверхность в то время, когда другие цветы и растения еще погружены в сон. А когда земля становится мягкой, воздух теплым, и природа пробуждается, – для чего выставлять себя и красоваться? Среди сотен других кто заметит тебя, присядет к тебе, порадует, с любовью понюхает, нежно и благоговейно погладит тобою глаза и брови свои? Всего несколько дней проведешь в толпе впустую и чуть погода увянешь. Однако появиться в месяц бахман, когда буран и мороз беспощадно лютуют, дело другое; в эту пору все внимание будет к тебе, тебя будут искать, находить, вдыхать твой аромат, печаль свою превращая в веселье, горе – в радость, а отчаяние и разочарование – в надежду и веру. Тогда ты поймешь, что твое прорастание сквозь замерзшую землю, появление и трепетание были бесполезны, ты эту жизнь хоть на волосок подвинул к красоте, к радости и счастью...

В Магияне росли два вида бахмангуля: желтый и белый. Оба цвели в одно время, но Фарход видел, что белый подснежник любит солнечные и менее влажные места, а желтый – тенистые и влажные. Хамдам Одина называл подснежник цветком печали, и когда видел его, то ему, видимо, вспоминались какие-то далекие события, радостные и сладостные моменты, и лицо его расцветало, он становился похожим на ребенка, свободного и беспечного, но вдруг его взгляд потухал, и он надолго замолкал. Так случалось в те дни, когда Фарход, возвращаясь из города, на солнечной стороне перевала Вачагна срывал несколько таких цветков печали, и когда подснежники попадались на глаза Хамдаму Одина, он, забывшись, мгновенно превращался в наивного ребенка. А сам юноша любил белые подснежники. По сравнению с желтыми они казались ему более изящными и нежными, как крохотные хрустальные колокольчики, лишь с тем отличием, что хрусталь издает нежный звон, а цветы – тонкий аромат, уловив который человек мгновенно забывает резкие и грубые запахи окружающей действительности. И мир начинает казаться ему прекрасным, а сердце наполняется радостью и весельем. Кроме того, белый цветок бахмангуль не был таким, как желтый подснежник, прозорливым и подозрительным, не прятал далеко свои корни, они легко отделялись от земли, а его луковица, сочная, белая, светлая, похожая на нежный женский пальчик, была завернута в несколько тончайших рубашек. Не то что твердая луковица желтого подснежника, которая была подобна пуговице и так глубоко зарывалась в землю, что нелегко было достать ее оттуда. Это были детские воспоминания Фархода, и годы спустя, вспоминая те далекие дни, он жалел, что порой зря обижал природу, вырывая бахмангуль с корнем, уменьшал численность этих цветов, нещадно рана тело земли...

Фарходу вспомнился этот горделивый бахмангуль и те сокровенные думы о нем, когда он впервые увидел радостно цветущие, ухоженные городские клумбы. Тогда он еще не знал, что с того дня любовь к цветам и садоводству навсегда поселится в его сердце и случится так, что однажды он эти цветы привезет в деревню и в своем саду поблизости с рядами тыквы, дыни и других овощей разобьет многоцветные цветочные грядки. Сад Фархода имел такой вид, что, наверное, во всем мире трудно было найти подобный: на одной грядке росла

морковь, на другой – ирисы, на третьей грядке – свекла, на четвертой – жасмин, посеы тыквы были рядом с ромашками, а дальше нарциссы и фиалки; на яблоне и груше на разных ветвях висели разные фрукты, на краю сада возле забора росли ели, клены, тростник, камыш, барбарис, вагнич и другие горные деревья. Одним словом, сад Фархода можно было бы назвать ботаническим садом этой долины. Но тогда всего этого еще не было: пока он с удивлением смотрел на цветник, а его мысли совершали полет к бахмангуло, из дверей здания вышел мужчина и, широко шагая, направился к Фарходу. Это был крупный высокий человек с зачесанными назад светлыми густыми волосами, открытый широкий лоб и большие живые глаза придавали ему спокойный, уверенный вид. Уверенность также подчеркивало его солидное пальто, а плавные телодвижения делали его больше похожим на банковского служащего, чем на начальника почты, так как работа банка, связанная с деньгами и вещами, не требует спешки. И это надежное и цепкое спокойствие создавало вокруг него ореол обаяния, и любой человек сразу же попадал под это обаяние и испытывал к этому человеку уважение и симпатию. Фарход, идя с кнутом и письмом в руках навстречу этому человеку, подумал, что это тот, кто отдал Хамдаму Одине брюки галифе, китель и шинель, и как ему велел председатель, представился:

– Я новый почтальон Магияна...

Мужчина все так же спокойно и не спеша открыл конверт, потом с радостной, немного насмешливой улыбкой протянул ему руку:

– Кондратьев Андрей Андреевич, всегда к вашим услугам.

И с той же улыбкой показал, куда можно привязать коня. А когда Фарход привязал коня и вернулся, он пригласил его в дом и уже в прихожей произнес:

– Инесса, у нас гость.

Фарходу сразу бросилось в глаза и удивило бессчетное количество горшков с растениями. Застекленная веранда, заставленная цветами, была наполнена каким-то особым ароматом, ощутив который молодой человек мысленно оказался в каком-то огромном, прекрасном и загадочном городе; увидев перед собой красивую молодую женщину с каштановыми волосами, он почувствовал в себе нечто греховное, его тело охватила слабость и горькая обида. Аромат, который ощутил молодой человек на веранде и который так на него повлиял, исходил от женщины. Он впервые в жизни столкнулся с таким сильным, безжалостным и торжествующим запахом.

Инесса казалась намного моложе по сравнению с Андреичем (в тот день Фарход его так назвал про себя) и никак не была похожа на хозяйку: красивая статья, приятный аромат, исходящий от нее, походка, взгляд и голос женщины были так величавы, что, увидев ее впервые, любой сказал бы, что она белоручка, ей неведомы печка, казаны и кастрюли, будто она только что нежилась на ложе и вдруг явилась пред тобою. Может быть, такие мысли посетили юношу потому, что он впервые увидел русскую женщину, и в ее манере одеваться, говорить, в ее повадках виделось что-то незнакомое, непривычное. Андреич говорил с Фарходом на таджикском языке и, когда слегка коверкал сложные слова и обороты речи, шутил с улыбкой, и все испытания и трудности жизни разом забывались, однако было заметно, что женщине это неприятно. Инесса нервничала, когда они разговаривали, она или перебивала Андреича, или выходила из комнаты. Молодому человеку казалось, что в такие моменты запах ее тела усиливался, и

его охватывало чувство неловкости и неудобства, его бросало в жар, сердце начинало сильно биться, щеки горели, ладони становились влажными, над верхней губой появлялись мелкие капельки пота. У Андреича были свои испытанные и опробованные премудрости, используя которые он быстро находил путь к сердцу жены и вынуждал ее возвращаться к ним. В начале своего знакомства Фарход не понимал, что говорил Андреич Инессе, но ощущал, что в такие моменты в его голосе появлялись просительные и извиняющиеся нотки. Еще тогда он догадался, что у этого мужчины есть какая-то провинность перед женой, и, видимо, во время разговора с молодым почтальоном на чужом языке он об этом забывал, преступая дозволенные границы. Каждый раз, когда женщина грациозно покидала их, оставляя наедине, и муж чувствовал себя виноватым, сердце Фархода охватывало какое-то незнакомое чувство, и так как он не мог понять его суть, он испытывал горькую обиду. Однако это чувство постепенно переросло в сильное желание еще раз ощутить этот запах и увидеть эту женщину в тот же миг. Каждый раз, приезжая в город, он неосознанно радовался и надеялся, но до того дня, когда Инесса неожиданно уехала и больше не вернулась, он об этом никому не говорил, да и самому себе не мог объяснить, в чем тут дело. Позже, когда война закончилась, и жизнь вошла в спокойное русло, а Фарход уже был известен всем как почтальон, он поменял то свое желание на привычку приносить женщине какой-нибудь гостинец. В те дни, когда он собирался ехать в город, он просил свою мать испечь лепешку из пресного теста на молоке и добавить несколько штук пину⁸ (Инесса любила их), сам чисто брился, надевал чистую одежду. Он уже немного знал русский и мог что-то сказать и понять. Когда он передавал женщине гостинец и чувствовал аромат ее тела, то невольно впадал в какое-то мучительно-тоскливое состояние, поэтому, произнеся слова «мама передала Вам», быстро уходил.

Инесса, в свою очередь, передавала для его матери буханку хлеба, а иногда также добавляла несколько кусков сахара. В деревне такой сахар называли «каллаканд»⁹. Хлеб буханочный в Магиян впервые привез тот же Фарход, и после этого такой хлеб стал известным там под названием «нони булка»¹⁰. И когда он привозил домой хлеб, слух об этом очень быстро доносился до соседей. А те, чтобы увидеть и попробовать этот чудный хлеб, своим видом похожий, как им казалось, на осиное гнездо, а запахом на затвердевшие дрожжи на их суфра – скатертях, тут же прибежали к ним домой...

В первый день Инесса угостила его вчерашним борщом, и Андреич на своем ломаном таджикском языке объяснил, что эта еда на второй день становится вкуснее. Борщ, говорил он, это единственная еда, которую невозможно определить, что она вчерашняя. В чем ее секрет, не знаю, но такой борщ, какой варит Инесса, на всей Украине никто не может приготовить. Тогда Фарход еще не знал русского языка, Андреич переводил ему и таким путем улучшал свой таджикский. Он сказал, что партия направила их с берегов Днепра в Таджикистан. Почти два года они жили в нескольких городах этого горного края, налаживая почтовую службу; климат Зарафшанской долины им пришелся по душе, и в конце концов они тут остались. Под конец Андреич ему сказал, чтобы тот учился русскому

⁸ Пину, или курут, – сушеный сыр в виде кружляшек, приготовленный из цельного кислого молока или из пахты.

⁹ Каллаканд – от тадж. «калла» (голова, головка) и «канд» (сахар), т.е. сахарная голова. В прошлом сахар производили в виде крупных кусков, слова «калла» использовалось для счета.

¹⁰ «Нони булка» (тадж. нон – хлеб) – «буханочный хлеб».

языку. «Жизнь идет вперед, ты должен учиться, вот увидишь: скоро ни осел, ни конь уже не будут нужны, их заменят машины...»

Начиная с того дня каждый раз, когда Фарход общался с этой супружеской парой, он старался запомнить больше русских слов, а когда возвращался в деревню, по дороге вспоминал состоявшийся разговор и повторял эти слова. В боковом кармане у него всегда была записная книжка и карандашик, и он втайне от других составлял свой словарь. Андреич относился к нему с уважением, он не смотрел на Фархода как на деревенского парня, во время работы и беседы с ним он воспринимал его как равного себе. Может быть, это и послужило толчком к тому, что он так быстро нашел путь в прекрасный и богатый мир русского языка и с радостью и желанием работал с письмами, и к этому мудрому и скромному русскому человеку в его сердце появилось теплое и глубокое чувство преданности. Потом, позже, когда он уже мог говорить по-русски, они иногда подолгу засиживались за обеденным столом, говорили обо всем, не замечая, как проходил день, и наступал вечер. Инесса никогда не сидела с ними, она накрывала на стол, уходила в спальню и закрывала за собой дверь.

Как-то Андреич рассказал, что Инесса – его вторая жена. Первая жена после шести лет совместной жизни заболела тифом и умерла, а с Инессой он познакомился тогда в той больнице. Пятнадцатилетняя Инесса там работала санитаркой. «Увы, у нас нет детей», – говорил мужчина с сожалением. После этих слов юноша почувствовал, что, если бы для того, чтобы у них родился ребенок, ему нужно было отдать душу, он бы пожертвовал собой. В тот день он постиг тайну женщины, которая, наверное, причину того, что она не могла зачать ребенка, видела в бесплодии мужчины. После этого, когда до него доходил аромат тела этой женщины, он вспоминал Андреича, и его мучила совесть, однако он ничего не мог с собой поделать. В нем сидело какое-то бессердечное и могущественное существо, которое постоянно напоминало ему о той женщине и аромате ее тела, нарушая мелодию и гармонию его тела и души, лишало его душевного покоя.

Андреич смотрел на Фархода как на любимого сына, видимо, это чувство привязанности друг к другу и их увлеченность работой сделали свое дело, и из всей долины в первую очередь в Магияне было построено здание почты. А прибытие в деревню почтового ящика стало одним из самых незабываемых событий.

5

Наступила последняя военная осень, и слухи, доходившие до Магияна с фронта, с другого конца мира, вселяли надежду о приближении благополучных дней. В разговорах и поведении людей уже чувствовалась радость и веселье; нехватка хлеба, одежды и бытовой утвари, как в прежние годы, уже не внушала безнадежности и страха, количество похоронок также с каждым днем уменьшалось, крики и рыдания матерей, жен и сестер теперь были слышны все реже и реже. Однако это все выглядело так, как если бы Магиян на просторах великой страны исчез как маленькая точка в безбрежном пространстве, а вместе с ним все его горизонты и атмосфера исчезли бы, – никто не мог увидеть его мелкие каждодневные трагедии и не слышал его рыдания и стенания. На самом деле, люди все так же в горах и на холмах искали тотин и оджуд, на дастарханах в домах хлебом и не пахло, одежда истрепалась, коврами служили конские попоны, а могущественная рука холода и голода беспрестанно сводила многих в могилу. Рассказ о Сармаде,

о жареной пшенице и его гибели был одним из простых примеров ежедневных, постоянных событий, происходящих в Магияне в то время.

Мальчик по имени Сармад с горсткой жареной пшеницы в кармане пошел в горы за тотинном и перед тем как начать работу сел на пригорок и хотел вытащить из кармана свои дорожные припасы. Голод истощил его тело, нервы были натянуты до предела; когда он увидел пищу, рука у него задрожала, ладонь раскрылась, зернышки пшеницы скатились и упали в щели между камнями. Юноша стал в отчаянии поднимать камни и искать упавшие зернышки; в конце концов, потеряв сознание, упал и ударился головой о камень, и душа покинула его бездыханное тело. Говорят, когда сняли с него рубашку и штаны с бесчисленными заплатами и стали их вытряхивать, то из одежды, как песок, посыпались на пол вши, разбегаясь в разные стороны. Вши – это отталкивающий и отвратительный символ нищеты и голода; до тех пор пока существуют эти два последних, вошь неуничтожима. Сармад был сверстником Фархода, и он всегда помнил этот рассказ.

Фарход в те дни уже не был тем стеснительным и зеленым юнцом – как говорил Хамдам Одина, в почтовом деле он уже не одну собаку съел; теперь его самого и его коня узнавали не только в Магияне, но и за его пределами. Эта известность пришла к нему после одной зимней ночи, когда он попал в бурю на перевале Вачагна и встретился со стаей голодных волков. В память о первом дне знакомства с Хамдамом Одина, когда тот рассказывал о заслугах коня перед человеком и предложил ему назвать безымянного колхозного коня, Фарход стал звать коня Самандом.

При поддержке и содействии председателя сельсовета люди собрались и хашаром¹¹ рядом с его конторой построили новое здание почты. Новая почта состояла из прихожей и большой комнаты. Эта перемена произошла после того, когда Фарход в один дождливый весенний вечер вернулся из города в деревню, и толпа, ожидавшая почту, в один миг окружила жилище Хамдама Одины, которое одновременно было и почтой. (Молва о прибытии из города почтальона на коне моментально распространялась по всей деревне.) Положение голодных и полуодетых людей под проливным холодным дождем растопило бы и каменные сердца, и Хамдам Одина, впервые нарушив правила, пустил их внутрь. После назначения Фархода на работу насчет вручения и прочтения похоронок председатель не беспокоился, но в тот вечер он вынужден был еще раз пережить подобную ситуацию – и потому на следующий день поехал к председателю исполкома. Тот сказал: желаю тебе успеха, но откуда мне взять доски и инструменты?

Хамдам, каждый раз приезжая в город, навещал своего друга Андрея. Они были ровесниками и в разговоре никогда не называли друг друга по отчеству, просто по имени. В тот вечер он зашел в ворота почты, чем-то очень расстроенный. Как было уже заведено, Инесса постелила гостю постель возле кровати мужа, а сама ушла в другую комнату. За столом о работе не говорили, может быть, не хотели говорить об этом при женщине, но когда пошли спать и остались одни, Андрей спросил: «Что с тобой? Смотрю, что-то ты еле дышишь, и аппетита совсем нет. У тебя все в порядке?» Он заметил в облике друга еще кое-что, но промолчал. Например, не сказал, что Хамдам за то время, пока они не виделись, очень постарел: в волосах стало больше седины, да и морщин на лице прибавилось, щеки впали, совсем потух взгляд, и голос подавленный. То, что хозяин прямо не сказал

¹¹ Хашар – добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах.

ему, гость почувствовал сердцем и понял, куда тот клонит, однако уклонился от ответа, а заговорил о проблеме, которая привела его из деревни в город.

– Знаешь, в Магияне почта одно лишь название: только один стол, одна печать, одна тетрадь в уголке, где я же и живу. Люди ждут почтальона под дождем и снегом, под палящим солнцем, чтобы получить корреспонденцию. Пошел к председателю райсовета, а он говорит, что сейчас бревна и доски дефицитнее хлеба, их доставляют из Сибири...

Андрей, облокотившись на подушку, сказал:

– Какой ты наивный, Хамдам. Председатель тебе никогда почту не построит, эту проблему надо решить в Магияне самостоятельно.

– А как?

– Ты подними здание в черновом варианте, а я найду тебе стол, стулья, доски, краску и стекла...

И в то лето председатель сельсовета Хамдам Одина вместе с Фарходом, как и все, таскал камни, глину и недалеко от своей конторы заложил фундамент нового здания почты. Но организатором этой работы был почтальон: он с первыми петухами приходил на стройку, приносил воду, месил глину ногами, доводя ее до нужной консистенции, потом ходил по дворам, приглашая людей на хашар. Жители, видя, что «власть» сама, засучив рукава, трудится рядом с ними, с большой охотой и неведомо откуда взявшейся силой брались за работу, испытывая чувство благодарности к Хамдаму Одине. Одновременно рос среди жителей и авторитет Фархода. Люди видели и понимали, что председатель взялся за черновую работу, чтобы поддержать парня и укрепить его дух.

Несмотря на такой энтузиазм, строительные работы затянулись до начала осени. Никак не получалось приобрести двери и окна: эту проблему нельзя было решить на месте. Балки и поперечные перекрытия изготовили с помощью материалов, которые давали сами жители деревни: один – тополь из своего сада, другой прислал несколько еловых бревен, но материала для дверей и окон не было. Для изготовления дверей и окон требовались доски, которые невозможно было найти в Магияне.

Когда построили здание, покрыли его крышей, оштукатурили внутри и снаружи, почтальон Фарход сказал председателю Хамдаму: «Почта своим величавым и великолепным видом должна отличаться от других контор, так как она связывает нас со всем миром». Эта его идея удивила председателя и отодвинула окончание работ еще на некоторое время. Продолжая свою мысль, почтальон сказал: «Здание почты должно иметь широкие окна и высокую дверь, чтобы соответствовать своему названию и положению». И Хамдам Одина тогда понял, что он не ошибся с выбором почтальона, этот малый, даст Бог, далеко пойдет и долго устоит на этом пути. Надо будет в будущем подумать о его учебе. День, когда Фарход завел этот разговор о форме дверей и окон почты с Хамдамом Одина и тем самым поставил перед ним трудную задачу, запомнился надолго.

В одно раннее утро они приехали в город. В этот раз Хамдам Одина не пошел к председателю исполкома, потому что знал, что тот скажет, – он опять обратился к своему другу Андрею. Тот в ответ молча взял его под руку (такое поведение Андрея очень нравилось Хамдаму, оно сближало его с этим русским, он будто физически и духовно чувствовал плечо давно потерянного брата, и сердце его наполнялось чувством любви и радости, он даже забывал о работе и связанных

с ней трудностях, какая-то радостная сила проникала в него) и привел на почту, они вместе спустились в подвал. Там рядом с запыленными, поблекшими, старыми, ненужными вещами у стены стояла одна дверь и два окна. С первого взгляда было понятно, что эти изделия не местного производства; вещи, как и люди, имеют лицо, запах, повадки и характер, они приносят с собой видимые и понимаемые признаки из родных мест. Дверь и окна, стоявшие сбоку в подвале, были сделаны таким образом, что не имели прямых углов: мастер закруглил их, а створки соединил так, что не было видно швов, – можно сказать, что в стыки между деталями не пролез бы даже волосок. Дверь и окна были сделаны из одного дерева, во всяком случае, следов рубанка и топора на них не было видно, – казалось, что их сделали целиком в каком-то другом таинственном мире.

«Вот это как раз та дверь и окна, о которых мечтал Фарход, говоря о величавости почты», – подумал Хамдам Одина, но не выказал свою радость. Только после того, как Андрей сказал, что они прибыли в вагоне из России, но он не знает, как их доставить в Магиян, Хамдам подал голос:

– Погрузим на лошадь Фархода, а сами вдвоем поедем на моем коне.

Но тут возникла другая трудность: Саманд взбунтовался. Когда двое работников городской почты собирались погрузить на него дверь и окна, Саманд, почуяв какой-то незнакомый и неприятный ему запах, стал раздувать мощные ноздри, затем, закусив удила, начал изо всех сил мотать головой и, наконец, скрежетать зубами; его глаза налились кровью, а все тело и ноги напряглись.

Молодой почталъон, который крепко держал Саманда под уздцы, был удивлен, потому что такое с конем происходило впервые. Он невольно залюбовался конем, отметив его красоту, которую даже не замечал, пока ездил на нем. У Саманда была небольшая голова, короткие и подвижные уши – казалось, что они постоянно наводстрены на то, чтобы улавливать мельчайший шум и звуки. Черные глаза были выпуклыми, цепкими, горящими, но удивительнее всего в тот момент Фарходу показались ноздри коня, которые напоминали открытую пасть какого-то взбешенного зверя. Длинная шея, широкий торс и ляжки, крепкие черные красивые копыта, шелковистая грива, густой хвост придавали его могучей фигуре особую величавость. Тело Саманда был настолько совершенным, что невольно приходила в голову мысль, что Бог из всех своих созданий собрал все самое сильное и красивое воедино и вложил их в тело и душу коня. Эти мысли пронеслись в голове Фархода Озода, который потом спрашивал себя: почему Саманд так разбушевался и не реагировал на его поглаживания, окрики Хамдама Одины и угрозы Андреича?

Люди, которые хотели погрузить на Саманда дверь и окна, привезенные из России, не знали, что его жизнь с тех времен, когда он был жеребенком, и до недавних пор прошла в атмосфере и среде, чуждой натуре и природе лошади. Он, с того момента, как познал себя, помнит, что находился не со своими сородичами, а рос среди коров, ему никогда не удавалось всласть побегать с другими жеребцами на зеленой лужайке, покрытой бархатной травкой, а приходилось целыми днями находиться в темном и зловонном коровнике. Ему не довелось хотя бы один раз вдохнуть исцеляющий душу запах кобылицы, и самым худшим было то, что желание быть свободным и вольным постоянно ограничивалось и подавлялось в нем пастухом. Все это на протяжении многих лет наносило непоправимый удар по ранимой душе и психике Саманда и сделало его нервным, раздражительным и непослушным, а молодой человек, который в последние годы верхом на нем

мотался между городом и деревней, всего этого не знал, потому что не было такой подходящей ситуации, которая могла бы показать это состояние коня. Несколько лет спустя одной бурной зимней ночью по дороге из города в деревню стала их преследовать стая волков, и, почуяв опасность, разволнованный и испугавшийся Саманд стал терять силы, изнемогая – он с трудом передвигал ноги. Фарход Озод был удивлен тем, что поведение коня так резко изменилось, однако и тогда не понял, что это оттого, что коня неправильно содержали и ухаживали за ним неправильно, не воспитывая его, как положено.

Но в тот день пятеро мужчин, как ни старались, не смогли погрузить на Саманда дверь и окна. Он, задрвав голову назад, вставал на дыбы, хрипел с открытой пастью, пытаясь освободиться от поводьев. И его поведение было до того странным и диким, что со стороны можно было подумать, что на коня впервые надели узду. Прерывистое дыхание коня, казалось, говорило о его свирепой натуре и внушало человеку страх. Наконец, от него отстали и погрузили дверь и окна на коня Хамдама Одины.

Благодаря двери и окнам, присланным из России, в Магияне было построено такое красивое здание почты, что подобное можно было увидеть только в городе, потому что такая дверь и окна были только в здании городской почты. В тот же день вместе с дверью и окнами, стеклом, замками, ключами и известкой Андреич еще передал в их деревню банку зеленой краски. Два дня Фарход красил дверь и одно окно: он так долго красил их потому, что хотел, чтобы как можно больше людей видели, как он не спеша, со знанием дела, макает в банку кисть и как аккуратно извлекает ее оттуда, а затем наносит краску на дерево, потому что в Магияне тогда никто не красил двери и окна; а важнее всего было для него, что запах краски вызывал в его душе чувство, будто он прогуливается по просторной поляне, где растут горные тюльпаны, и нежный ветерок распространяет вокруг ароматную пыльцу этих прекрасных цветов, и все его существо переполняет радостью. Запах краски так крепко врезался в память юноши, что спустя много лет, получив земельный участок, он построил дом и, все еще работая почтальоном, увлекся садоводством в память о том своем земляке, который в далеком прошлом из дальних краев привез в свою деревню дерево каян. После того как он покрасил дверь и окна, он покрасил колонны, решетки и потолок в комнатах. Дом Фархода не был похож на традиционные дома, не было в нем ни балок, ни деревянных поперечных перекрытий, потолки в доме были заделаны четырехугольными фанерными ячейками, и там, где висела лампа, была вырезана пятиконечная звезда, похожая на те звездочки, которые были выбиты на пуговицах шинели Хамдама Одины. Фарход покрасил фанерные ячейки потолка синей краской, а звезду – красным цветом, как было в доме у Андреича, дом которого стоял в глубине сада городской почты...

Итак, Хамдам Одина полностью освободился от почтовых дел. Теперь всеми делами занимался Фарход, он так же один раз в неделю верхом на коне ездил в город и возвращался оттуда с почтой. Сидел он теперь в новом здании, дверь и окна которого все еще пахли краской и которое состояло из комнаты с прихожей, где он принимал посетителей. Приходившие на почту люди стояли в прихожей, и Фарход, сидя за столом в комнате, брал одно из писем, громким голосом зачитывал, кому оно адресовано, и затем вручал его адресату, а потом принимал письма на отправку и складывал их в почтовую сумку.

За два-три года после войны жизнь немного наладилась, положение людей постепенно стало улучшаться, все больше нового появлялось в жизни; кое-где появились грузовики и трактора, стали все чаще звучать в разговорах людей такие слова, как «телефон» и «радио», и даже уже появились люди, у кого были эти вещи. Но все эти нововведения как бы происходили где-то в другом месте, они не коснулись Фархода и Саманда: работа почтальона оставалась такой же, как и много лет назад...

В тот год с самых первых дней осени погода была ветреной и дождливой, накануне зимы резко похолодало, и верхом на коне в мороз и гололед преодолевать дальнюю дорогу было трудно и опасно. Однако в теле Фархода бушевала молодость, сила которой по определению находится в одной связке с другими мощными силами природы, не признает отчаяния, безнадежности и страха, мятежно и бунтующе спешит сокрушить устои жизни, изменить их, придать им новые краски, ароматы и вкусы, ведя за собой всех остальных вперед, к прогрессу; и он преодолевал трудности пути и в стужу, и в зной, представляя мир сотканным из радости, любви, надежды и веры. Именно эта сила позволила неоперившемуся юнцу в сложной жизни, полной горя и печали, взвалить на свои плечи груз дела, которое отпугнуло даже такого человека, как Хамдам Одина, а этот юноша, не страшась тяжелых взглядов земляков, не уронив честь «власти» в той вакханалии голода и смерти, начал строительство почты и построил ее. Сила молодости – это бесценное богатство, и те, кто своевременно догадываются об этом и правильно относятся к ней, добиваются высоких целей и завершают путь довольные собою и своей жизнью ...

Небо тогда словно разверзлось: потоки теплого воздуха, двигаясь со стороны горной цепи на севере, смешивались с холодными облаками, и там превращали воду и пар в снежинки, а пронизывающий северный ветер дул то сильно, то ослабевая, бросал их в лицо, так что невозможно было идти, смотреть, говорить. Саманд двигался по каменной мостовой центра города навстречу ветру и снегу с прижатыми к голове ушами, не было даже слышно стука его копыт, как бывало в теплые бесснежные дни, потому что мокрый снег смягчал удары копыт о камень. С гривы и хвоста Саманда стекали капельки воды, из ноздрей да и от всего тела коня валил пар. Фарход своим видом напоминал Рустамбарфа – Деда Мороза, восседавшего на коне. Еще до полудня он въехал в почтовые ворота, отвел коня под навес, насыпал в торбу ячменя и повесил ее Саманду на шею, потом набросил через плечо дорожную сумку, в которой, как всегда, лежали две завернутых лепешки на молоке, и постучал в дверь дома Андреича.

В комнате было тепло от чугунной печки, запах сгоревшего угля и нагретого металла придавал телу и душе чувство благополучия и уюта. Женщина сказала, что мужа дома нет: вчера вечером пришло новое оборудование, Андрей должен составить опись и спустить все в подвал. Она усадила гостя поближе к печке и принесла чаю с вареньем. Фарход был с Инессой наедине. Ему было неловко от того, что пришел в дом в отсутствие хозяина, у них в деревне было не принято, чтобы мужчина заходил в дом, если хозяина нет дома. Какое-то въедливое ощущение охватило все его тело, он вспотел, над верхней губой выступили капельки пота, в ушах зазвенело. Его бросило в жар, как будто он голыми ногами стоял на углях, все тело напряглось. Он испугался, как бы женщина не догадалась о его состоянии и не спросила о чем-нибудь, – он и слова вымолвить не сможет. Вдруг волна

злости и ненависти к самому себе накрыла его, и ему стало невыносимо больно от трусливой слабости, которая заставляла его чувствовать себя неполноценным и скованным. Уже давно он днями грезил, вспоминая эту женщину, аромат ее тела, вызывая их все время в своей памяти, а когда заходил в ворота и видел Инессу, то испытывал какую-то приподнятость: казалось, он мог бы в таком состоянии хоть каждый день пешком преодолевать несколько перевалов. И каждый раз в такие мгновения в душе его поднималась такая волна любви по отношению и к Хамдаму Одине, и к Саманду, что все его существо наполнялось беспредельной радостью, звуки казались мелодичными, запахи приятными, вещи красивыми. И он целую неделю в предвкушении этого мгновения пребывал в приподнятом настроении. Но теперь, когда сбылось желаемое, и женщина оказалась дома одна, он от страха не знал, куда глаза деть. И про себя молил Всевышнего, чтобы тот хотя бы Инессу увел из дома, а Андреича вернул домой.

Надеясь на то, что все эти неприятные ощущения и мысли покинут его, он стал осматриваться вокруг и заметил журнал, лежавший на подоконнике. Как утопающий, который, барахтаясь в воде, хватается даже за соломинку, он порывисто встал и взял журнал. Бумага, из которой был изготовлен журнал, оказалась блестящей и лощеной, от нее шел запах, уводивший мысли человека в незнакомый, недостижимый и таинственный мир. На обложке красовалась цветная картинка, а посередине большими буквами было написано: «Почта СССР». На картинке были изображены два солдата, которые на крыше какого-то большого полуразрушенного здания водружали красное знамя. Художник сумел изобразить момент восхождения солдат на крышу и установления знамени так, что когда человек смотрел на это изображение, сердце его наполнялось чувством гордости.

Фарход впервые видел такой цветной и красивый журнал, прибывший сюда явно из какого-то далекого края. Он увлеченно стал листать журнал. В то время он уже немного говорил по-русски и смог кое-что прочитать. В журнале были напечатаны разные статьи, в большинстве из которых говорилось о письмах и почтальонах, а некоторые рассказывали о далеком прошлом из истории почты. На открытой им странице были небольшие заметки о прошлой жизни – очень интересные, легко читаемые и понятные. Одна статья рассказывала о пакетах, и она настолько заинтересовала Фархода, что он отвлекся от своих мыслей и даже забыл волновавшую его женщину. Там было написано следующее:

«Пакет – самый древний образец письма и конверта, которому около шести тысяч лет. Он имеет связь с историей стран шумеров и ассирийцев в Миянрудане¹². Писали они клинописью на глиняных табличках, затем обжигали их в печи, еще раз обмазывали глиной, сверху наносили имя адресата и вновь обжигали в печи. Пар, образующийся во время этого процесса, не допускал слипания табличек с намазанной на них глиной. Это было первым закрытым пакетом, который сохранял тайну письма от почтальона. Два таких письма дошли даже до наших дней...»

Фарход на миг представил себе письма, которым шесть тысяч лет. Ему так понравилась эта статья, что с того дня он больше не расставался с журналом «Почта СССР», и статья «Пакет» была первой заметкой, которую он вырезал из журнала и вклеил в свой большой альбом. Пока он увлеченно читал журнал, в комнату вошел, радостно потирая ладони, Андреич и сказал:

¹² Миянрудан – тадж. Миенрудон, араб. вариант Байнаннахрайн (Междуречье).

– Поздравляю, у твоей почты теперь будет свой почтовый ящик...

Приход хозяина мгновенно вернул его к действительности, к его грезам о женщине, и у него так испортилось настроение, что он сначала не сообразил, о каком ящике идет речь. Но потом вспомнил, как об этом говорили Хамдам Одина с Андреичем, когда вытаскивали из подвала дверь и окна и пытались погрузить их на коня. Председатель сельсовета пожаловался тогда начальнику почты, что почтальон вынужден просиживать целый день в ожидании, когда люди принесут письма на отправку. Хамдам Одина тогда спросил: «Можешь найти еще один почтовый ящик?» Андрей, как всегда, взяв Хамдама под руку, ответил: «В ближайшие месяцы из Москвы в Самарканд прибудет вагон...» Значит, вагон из Москвы в Самарканд уже прибыл.

Этот день стал одним из самых памятных в жизни Фархода: наконец самая большая проблема в его работе разрешилась. Теперь каждый человек сможет принести письмо, когда захочет, и просто опустит его в почтовый ящик и пойдет дальше по своим делам. И он не должен будет сидеть целый день и ждать, когда кто-нибудь принесет письмо на отправку. Фарход уже представил себе, как он установит ящик на стене почты, и как люди соберутся, с удивлением и восхищением будут смотреть на него; он так разволновался, что ему стало трудно дышать, сердце радостно забилось, забылись все мучающие его переживания, связанные с женщиной. Он с благодарностью пожал руку Андреича, глубоко вздохнул и с волнением спросил:

– А где ящик?

Андреич пододвинул свой стул к печке:

– Не волнуйся, дорогой, он в подвале, завтра увидишь.

Эти слова пробудили в юноше какую-то бушующую в нем, ранее дремавшую силу, и он впервые после того, как его назначили почтальоном и он познакомился с Андреичем, возразил и уверенно сказал:

– Я сейчас хочу его увидеть...

Андреич удивленно взглянул на молодого человека, но, видно, упрямство и твердость парня пришлись ему по душе, и он, улыбнувшись, молча встал, вышел из теплой комнаты и спустился в холодный полутемный подвал. Обернутые бумагой почтовые ящики были сложены друг на друга недалеко от входа. Андреич, выбрав один из них, развернул и положил на пол прямо перед Фарходом. Ящик был синего цвета – цвета неба и моря, только под козырьком, где выбит герб, белой краской было написано: «Почта». Герб был выпуклым, как и надпись, что придавало ящику еще больше великолепия. Колосья пшеницы на гербе обхватывали с обеих сторон восходящее солнце и земной шар; стебли колосьев были обвиты красной лентой; лучи солнца, падая на землю, будто освещали ее; а на ее фоне были изображены серп и молот, похожие на те, что выбиты на пуговицах шинели Хамдама. А вверху, над земным шаром, кончики колосьев касались пятиконечной звезды. Созданный из разных символов круглый герб показался юноше очень красивым.

Фарход с волнением поднял металлический ящик – его ладони ощутили острый холод металла, который пронзил руки и даже плечи. Но он не обратил на это никакого внимания, он ощущал лишь насыщенный запах свежей краски и аромат незнакомого масла, которые, смешавшись, вызвали у него внутреннее волнение. Он представил, как он установит этот ящик на стене почты, и как люди удивятся, и еще более решительно сказал:

– Я должен ехать в деревню.

Андреич попытался отговорить его, ссылаясь на плохую погоду и дальнюю дорогу, говорил, что зимний день подобен мычанию коровы – не успеешь оглянуться, уже закончится. Но Фарход Озод, не слушая его, вынес ящик из подвала, положил в дорожную сумку и погрузил на Саманда, потом попросил подарить ему журнал «Почта СССР». Твердость и страстность юноши напомнили мужчине его детство, двойственное чувство увлеченности и зависти в его сердце сменилось на уныние и безнадежность, у него даже настроение испортилось, и он произнес поникшим голосом:

– Вот, думал, что нашел собеседника на ночь...

Мужчина произнес эти слова таким тоном, будто хотел сказать, что он все время страдает от одиночества. Невольно вновь вспомнилась Фарходу Инесса, возбуждающий аромат ее тела, он снова весь вспыхнул, вспотел, и запах пота резко ударил в нос. Ему стало стыдно, будто он совершил подлость или предательство, он даже не смел смотреть Андреичу в лицо и быстро попрощался. Мысль о женщине и аромате ее тела была настолько бесстыдна и навязчива, что он никак не мог выбросить ее из головы; сколько ни старался, не мог осилить это, потому беспричинно злился, терялся, приходил в замешательство и наконец начал бояться этой мысли. Когда он общался с Андреичем, эти его чувства и муки совести, которые он испытывал, из мира сокровенного выходили наружу, приобретая цвет, запах, меняя его характер и поведение. С того момента, как Фарход сажился на Саманда, чтобы ехать в город, эти мысли преследовали его и не отпускали вплоть до возвращения через перевал Вачагна.

Может быть, болезненные муки совести не были бы столь невыносимыми, если бы на месте Андреича был кто-то другой. Дело в том, что этот человек с самой первой встречи так отнесся к Фарходу, как будто тот был его любимым сыном или человеком более знающим и мудрым, чем он сам. И это тоже не было бы чем-то особенным, если бы Фарход не ел хлеб-соль в доме Андреича: в его вере чтить хлеб-соль считалось священным, и никакое предательство и грех не сравнились бы с нарушением данного обычая. В их семье этот обычай ценился так высоко, что отец, где бы ни слышал об этом какие-то высказывания, хорошо запоминал их, и за завтраком, который был самым сладким временем в детстве Фархода, всегда обсуждал с детьми эту тему.

Отец собрал много мудрых мыслей о чувстве благодарности за добро и неустанно повторял их. Фарход перенял от отца интерес к коллекционированию удивительных событий, особенно его интересовали письма и разведение деревьев. Но любимым удивительным событием для Фархода было сказание о благородстве Якуба Лайса¹³. Это сказание поведал ученикам учитель истории Ораз Ораш. Видимо, Якуб Лайс был одним из его любимых государственных мужей, потому что он слишком часто повторял рассказ, иногда доводя его до абсурда. Якуб Лайс в Хорасанском Сиистане сражался с арабскими завоевателями, бедуинами, а для обеспечения сарбозов-воинов пищей и одеждой иногда навещал дома богачей. Однажды ночью он и его люди зашли в какой-то амбар, и один из его спутников принес кусок какого-то минерала, который раньше они не видели и не знали, что это такое. Якуб невольно лизнул его и почувствовал соленый привкус – это была

¹³ Основатель династии Саффаридов в Хорасане в IX веке.

кристаллическая соль¹⁴. Он крикнул своим спутникам: остановитесь, мы отведали соль в этом доме, а отведавший соль равен родному брату, если унесем отсюда хоть хворостинку, станем неблагодарными за хлеб-соль...

Каждый раз, когда на Фархода накатывали воспоминания о той женщине, он вспоминал учителя, сказание о Якубе Лайсе и те наставления, и у него сразу портилось настроение. Он чувствовал себя сильно уставшим, потому что внутренняя борьба со своими мыслями отнимала у него много сил. Молодой человек постепенно уяснил, что внутри него есть тот, кто постоянно подливает масло в огонь, делая подобные мысли такими сильными и неотступными. И это приносило ему боль и страдания, а страдания и боль доставляли ему особое наслаждение. Чем больше истощенным и уставшим чувствовал себя Фарход, тем более блаженным и сладостным было его состояние. Молодой человек вначале, обнаружив внутри себя того, другого, сваливал все грехи на него, однако пламя искушения, съедавшее его изнутри, не гасло от такой находки; чуть позже он убедился, что это скрытое желание его сердца, он сам хочет довести себя до боли и страдания, ведь чем больше его мучила совесть, тем больше нравилось ему само существование этих мыслей. Но принять правду было нелегко, и каждый раз, когда Фарход мысленно смотрел прямо в глаза тому, другому, мысли о женщине и аромат ее тела вдруг исчезали из головы, и он успокаивался. Но удивительным было то, что, поступая так со своими навязчивыми мыслями, он еще больше тянулся к боли и страданиям.

В тот день он тоже был в таком состоянии, потому и не послушался Андреича, уложил почтовый ящик в дорожную сумку и вскочил на Саманда. Было время после полудня, холодный ветер теперь дул сзади, снежная пурга еще сильнее закрутила, видимость ухудшилась, звуки почти не были слышны. В сумерках он доехал до предгорий перевала Вачагна; впервые в жизни он сожалел о том, что день так быстро скатился к вечеру, горечь сожаления наполнила его сердце: почему он не послушался Андреича? Уровень снега здесь доходил до щиколоток коня, Саманд передвигался с трудом. Путь, который они проделали в такой голодный и холодный день из деревни в город и обратно, более чем в пять фарсангов¹⁵, в конце концов совсем доконал коня. Да и возраст Саманда был солидный. По тяжелому и надрывному дыханию коня и по сильному запаху пота можно было судить о том, как сильно вымоталось животное. Там, где колдобины на дороге были занесены снегом, он спотыкался, падал и долго не мог подняться. Вечер быстро превратился в ночь. Фарход спешился, поводья намотал на руку и пошел впереди Саманда. Глянув на коня, он увидел, что нижняя губа у него отвисла, и изо рта тонкими струйками течет слюна. Для передышки времени не было. В середине перевала в некоторых местах снега было по колено: он попадал за голенища сапог, портянки намокли, ноги заledenели. Ураганный ветер бил в лицо ледяной крупой, толкал тело назад. На шаг впереди не было видно ни зги, и Фарход свободной рукой снимал налипший на лицо и глаза снег, двигаясь почти наугад. Когда становилось трудно дышать и юноша на мгновение прекращал идти, выступивший на коже пот моментально застывал, все тело охватывала дрожь, от которой зуб на зуб не попадал. Но присутствие Саманда, тепло дыхания которого при каждом выдохе

¹⁴ Кристаллическая соль (тадж. «намаки булур») похожа на хрусталь, красноватого цвета, в народе известна как соль Лейли. – Прим. автора.

¹⁵ Фарсанг – мера длины, равная 7-8 км.

касалось шеи и затылка юноши, придавало сердцу уверенность, а телу силы, и еще ярче в его мозгу всплывала предстоящая сцена установки почтового ящика и восторженное удивление людей.

Они уже преодолели треть перевала, как вдруг Саманд остановился как вкопанный, двигая ушами, фыркая, и стал вырываться из рук, пытаясь убежать. Фарход, повернувшись к коню, обеими руками с трудом пытался удержать его за поводья, но как ни старался, не мог его успокоить. Саманд то и дело пытался свернуть с дороги, уйти от человека, и это поведение коня нагоняло на Фархода страх. Он понял, что если он снова не сядет в седло, то конь вырвет у него поводья и убежит, а он останется один на один с темнотой, снегом и морозом. Он так сильно теперь сожалел о том, что не послушался человека старше себя, и ему было так тяжело от этого, что страх, темнота, снег и холод потеряли всякий смысл. Он представил себе горячую печку и уютный дом Андреича, и у него комок подкатил к горлу. Но Саманд, резко отскочив в сторону, привел его в чувство, и он с невероятной быстротой вскочил в седло. Только теперь он различил с правой стороны, недалеко от них, несколько неясных силуэтов – это была стая волков.

Инстинкт самосохранения заставил позабыть и страх, и холод, и темноту, и наполнил его такой силой, а сердце верой, что ему показалось, что в седле сидит не он, а какой-то другой человек. Самым удивительным было то, что темнота вдруг куда-то отступила, в обозримом пространстве он ясно увидел, как голодные волки стараются настигнуть коня и вцепиться в него зубами. И в Саманде проснулся тот же инстинкт, и он, из последних сил напрягая мускулы, поскакал вперед. Фарход, наклонившись к шее коня, шептал ему на ухо: «Давай, Саманд, осталось немного. В несколько прыжков мы доберемся до вершины перевала, а там деревня, крикнем собак на подмогу...» Фарход шептал эти слова на ухо Саманда, а потом, выпрямившись, во весь голос кричал: «Э-э-э-эй!» – так он хотел напугать волков. Вдруг Саманд, видимо, приняв лежавший на дороге камень за волка, шархнулся в сторону и упал на колени, Фарход вылетел из седла и скатился вниз к обрыву. По воле Бога или случая, скатываясь по склону, он наткнулся на дерево гарганак¹⁶ и, цепляясь двумя руками за его колючие ветви и замерзшую землю, наступая на каменные выступы и кусты, потихоньку выбрался наверх. Он разодрал все руки в кровь, обломал ногти; мерзлая земля, попадая в ранки в руках, причиняла ему адскую боль, а мороз пробирал до костей. У него уже почти не осталось сил, чтобы сдвинуться с места. Остановившись, чтобы немного передохнуть и перевести дыхание, он всем телом прижался к земле и почувствовал, что какой-то твердый предмет сильно уперся ему в живот – он совсем забыл про свой нож за поясом. Осторожно вытащив нож из ножен, он направил все силы в правую руку и с душераздирающим воплем ударил ножом в мерзлую землю, одновременно резко подтаскивая себя наверх. Мучительный крик в этой беспросветной тьме, ударясь о ближние горы и обретя мощь, полетел в дальние горы, но все же не долетел до ушей деревенских собак. Фарход на мгновение повернулся лицом к небу, потом поднялся и стал искать Саманда; конь уже поднялся на ноги и, сильно напуганный волками, обрадовался подошедшему к нему человеку, стал трясти гривой и тихонько ржать. Крик человека напугал волков, и они теперь выжидали на том месте, где упал конь. Фарход вложил нож в ножны и вспомнил о

¹⁶ В народе его называют карганак. Это дерево из породы миндаля, которое также называют «бодмак». – Прим. автора.

спичках. Он, по совету Хамдама Одины, всегда носил при себе вместе с ножом еще и спички. Хамдам Одина в первый день, когда посадил Фархода на коня и послал в город, дал ему нож с рукояткой из рога горного козла и предупредил, чтобы тот не забывал брать с собой спички, повторяя, что эти две вещи должны быть всегда при себе у человека с гор. Но до сих пор, сколько раз он ездил в город и обратно, ни разу эти вещи ему не понадобились, так что он забыл и про нож за поясом, и про спички в кармане. Перед глазами Фархода в одно мгновение пронеслись и тот день, и Хамдам, и его нож, и он, с благодарностью вспомнив все, вдруг услышал какие-то незнакомые звуки, – волки уже так близко подобрались к ним, что он теперь слышал их дыхание и вой, даже видел их открытые пасти и высунутые в предвкушении поживы языки. Он отчетливо видел их ярость и страх, было ясно, что они готовятся напасть.

Саманд до того устал и измучился, что уже не реагировал на опасность и лишь с трудом переставлял ноги. Фарход понял: если он быстро не найдет выход из сложившейся ситуации, то через несколько мгновений станет добычей голодных, возбужденных волков. Человеческий мозг устроен таким образом, что когда приходит опасность и приближается внезапная смерть, то человек мобилизует все свои физические и душевные силы и демонстрирует удивительную изобретательность, вспоминая давно забытые знания и навыки. А может, это его оберегает ангел-хранитель? Может быть... Однако в тот момент, когда стая голодных зверей кружила вокруг Фархода и его коня, юноша вдруг вспомнил, что волки сильно боятся огня. Но что можно зажечь в этом бескрайнем снежном мире? Раздумывать было некогда, каждое мгновение могло стать последним в их жизни. И точно так же, как его мозг – или ангел-хранитель? – напомнил ему о ноже и спичках, он же заставил его вспомнить о миенбанде – пояском платке. Фарход лихорадочно развязал его обмороженными, израненными пальцами, с трудом чиркнул спичкой и поджег. Темнота была настолько непроницаемой, что казалось – больше никакая сила не сможет сокрушить ее и превратить эту черную и холодную ночь в светлый день. Фарход не стал предаваться ненужным мыслям, а, удерживая за свободный конец горящий платок, погнал коня в сторону деревни. Саманд, из последних сил поднимаясь по длинному заснеженному склону, наконец добрался до вершины перевала. От радости Фарход так громко крикнул, что на этот раз деревенские собаки вначале по одной, а потом все хором ответили ему и побежали на голос...

После этого случая каждый раз, возвращаясь из города, Фарход, добравшись до перевала Вачагна, останавливал Саманда, спускался к миндалю-спасителю, садился рядом с ним и смотрел вниз на речушку, текущую в глубине, и, представляя свое падение к обрыву, столкновение с камнями, полученные раны, ощущал головокружение и слабость. Тогда с любовью и благодарностью он гладил колючие ветки деревца, затем снова садился на коня и ехал дальше. Но в тот раз, во время бешеной скачки и бегства от волков на подъеме на перевал Вачагна, Фарход обморозил себе пальцы, щеки и уши и потом целый месяц лечил их. Пальцы и щеки были слегка обморожены, а вот с ушей до сих пор каждую весну у него слзлит кожа, как у змеи, вновь напоминая ему ту, полную страхами и бедами, ночь. Но, как говорится, нет худа без добра. В ту весну Хамдам Одина за хорошую работу выделил Фарходу земельный участок, и он разбил там свой знаменитый теперь сад.

* * *

А теперь вот разрушили здание почты, то здание, которое люди строили во время войны, таская из своих домов бревна и балки. И самым обидным было, что они выкинули на дорогу почтовый ящик, который Фарход с таким трудом привез в деревню, вступив в смертельную схватку с волками в ту снежную холодную ночь на перевале Вачагна и отморозив себе при этом пальцы и уши. Но Навруз – внук Фархода, унаследовавший от деда любовь к почтовому делу, к письмам притащил этот исторический ящик домой.

Когда внук входил в ворота, дед был занят мыслями о груше-каян, но, увидев почтовый ящик, миг забыл об этом. И старик, уже без сожаления и боли, как человек вспоминает о вчерашнем сне, представил себе ту далекую и страшную ночь, но когда он вспомнил о миндальном дереве, его сердце вдруг сильно забилось, и он ощутил какое-то тягостное чувство тоски. Тоски по тому, что было увидено и пережито, по тому, что было связано со всеми страстями молодости. Его тело и душа жаждали вновь увидеть, услышать и почувствовать увиденное, услышанное и обоняемое тогда – все то, что существует отдельно от людей, вдали от их каждодневной суеты, нетронутое и неизменное. Но его мысли не остановились на этих вещах, он стал думать о том, что в жизни, особенно в ее трудные, сложные и судьбоносные моменты, Бог не оставлял его одного. Фарход Озод, с того момента как осознал себя, каждый раз, когда случалось какое-то сложное событие в его жизни, всегда чувствовал присутствие Бога, и это помогало ему легко преодолевать трудности. Может быть, это было, когда у людей была совесть и вера во что-то, они отличали добро от зла, правду от лжи, воздерживались от злословия, не совершали злодеяния. Поэтому Бог не оставлял их одних. Наличие такой любви, привязанности, заботы и благожелательности облегчало им путь к преодолению любых трудностей в жизни. Где сегодня такие мужчины, как Хамдам Одина и Андреич?.. Увы!..

Хамдам Одина припрятал почтовый ящик до того дня, пока раны на руках, ногах и на лице Фархода не зажили. А через месяц под радостными взглядами односельчан под его руководством почтовый ящик торжественно был установлен на стене возле двери. Почтовый ящик был первой ласточкой, прилетевшей откуда-то из чужого мира, которая привлекла многих людей к зданию почты и в одно мгновение превратила почтальона Фархода в известного и влиятельного человека. (Пройдет много лет и прибытие почтовой машины в деревню все так же будет для сельчан особенным событием.) Ведь он в течение трех дней, ни больше и ни меньше, после установки почтового ящика стоял рядом с ним и показывал людям, как открывать крышку и как опускать письма в ящик. Однако каким образом из ящика вынимать письма, он держал в секрете. Люди видели, что у ящика, кроме той щели, куда опускаются письма, других отверстий не было. Фарход говорил, что это государственная тайна, и ее, кроме него, никто другой не должен знать. Вот эта деталь в одночасье превратила Фархода в глазах земляков, воспринимавших его ранее как обычного, похожего на них человека, в кого-то особенного, выделив из толпы. Для повышения авторитета и значимости почты Фарход сам обустроивал, подметал и поливал территорию вокруг нее, два-три раза в год белил внутри и снаружи. Здание почты всегда было чистым и опрятным, выделялось среди домов, стоявших вдоль дороги. Даже старики при встрече с Фарходом здоровались с ним, почтительно приложив руку к груди, на свадьбах и

похоронах пропускали его впереди себя. Фарход же при встрече с ними смущался и краснел, видя к себе такое отношение.

– Я всего лишь выполняю свою работу, – говорил он, смущенно опуская глаза, и это прибавляло ему еще больше авторитета.

Однако зима следующего года для Фархода стала самой безрадостной, рано начавшись и поздно закончившись. Безвременная кончина Хамдама Одины несколько поубавила рвение Фархода к работе. Ушел из жизни человек, который заметил его еще подростком и, усадив на коня, доверил нелегкое и важное дело в этой далекой, горной, забытой Богом деревне, построил вместе с ним в военное время, полное смертей и страданий, здание почты, наладил доставку и отправку писем, тем самым хоть немного облегчив горе людей. Смерть отца не была для него таким горестным событием, потому что та смерть была несчастьем не только его семьи, в те дни вся деревня каждодневно горевала, и источник бед тогда был один – война. А бывало еще так, что за черным письмом вдруг поступало белое письмо, и траур внезапно превращался в праздник. Такие случаи вселяли в души людей надежду, облегчали тяжесть горя и печали. Но смерть Хамдама Одины стала личной трагедией для Фархода. В тот момент, когда он рядом с Андреичем стоял над могилой Хамдама, то понял, что он уже никогда не будет прежним, и теперь тот прекрасный и яркий мир, наполненный любовью и верностью, лишенный корысти, сотканный из добра и чистоты, навечно утрачен. В его душе появилась некая пустота, ощущение которой нагоняло боль и тоску; вместо этой пустоты раньше были надежда и уверенность, которые в трудных ситуациях вселяло само присутствие Хамдама Одины – теперь он унес их с собой. В тяжелой кладбищенской тиши сердце молодого человека внезапно пронзила жгучая боль, которую он никогда раньше не испытывал. Эта боль была соткана из глубокой душевной скорби и сожаления за свои поступки; он проникся ею, когда вдруг вспомнил, что ни разу не поблагодарил Хамдама Одину за все добро, которое тот сделал ему. А теперь, хоть переверни все вверх дном, все равно Хамдам Одина не выйдет из могилы. Как жаль, что он не может броситься к его ногам и просить у него прощения...

Хамдам Одина умер в городской больнице спустя три месяца после того, как провел несколько зимних ночей, как обычно, за рабочим столом и подхватил воспаление легких. Его похоронили на кладбище, где обычно хоронили приезжих. На его похоронах никто не плакал, и никто ничего не говорил о том, кем был Хамдам Одина, который пожертвовал ради работы домом, женой, детьми и мечтами о радостях жизни. Он совсем забыл себя, его одежда состояла из кителя, брюк галифе и старой шинели, а его имуществом был всего лишь старый ковер, доставшийся ему от Устофаяза, но его сердце было наполнено любовью и заботой, думами о счастье и благополучии других людей. Кроме Андреича у него совсем не было друзей, да и для того, чтобы посидеть, поговорить по душам с друзьями, у него не было времени. Он сам будто состоял из работы, был живым памятником работе, при встрече с ним человек невольно начинал думать о работе, и в его памяти всплывала поговорка: «Настолько я работой занят, что некогда голову почесать». А при встрече, ловя на себе взгляды людей, он чувствовал себя так, как будто был причиной всех бед и несчастий, свалившихся им на голову. В годы войны, когда он вручал похоронку чьим-то матерям, сестрам или женам, ему казалось, будто не вражеская пуля сразила

их сына, мужа, брата, а он, Хамдам Одина, их убил. Для избавления от этого чувства вины он не раз ходил в военный комиссариат с просьбой отправить его на фронт, однако его просьба постоянно отклонялась.

Фарход на второй день после похорон приехал в город, и Андреич повел его на могилу Хамдама Одины. Гнетущая кладбищенская тишина, вид бесчисленных полуразрушенных могил создавали такую атмосферу, что человеку невольно думалось, будто этот кусок земли не имеет связи с внешним миром; скорбь, смешанная с печалью и отчаянием, создавала вокруг кладбища невидимую стену, живые и радостные голоса жизни не могли проникнуть через нее. В тот день Фарход среди забытых и разрушенных могил вдруг почувствовал себя таким одиноким, что неожиданно для себя вдруг обнял начальника почты и горько заплакал. Во время болезни Хамдама Одины, когда он раз в неделю привозил письма из деревни в город, а из города в деревню, он заходил в больницу проведать больного, и тот так радовался его приходу, что ненадолго забывал нестерпимую боль в груди и постоянные приступы кашля. Молодой человек чувствовал, как та дистанция, которую председатель всегда сохранял при их беседах в Магияне, определяя таким образом место каждого и обеспечивая порядок в их жизни, теперь исчезла; Хамдам Одина, лежа в постели, брал руку Фархода в свои ладони и рассказывал о событиях в своей жизни, в молодости, затем беседу незаметно направлял на положение дел в Магияне и в конце наставлял, что Фарход должен задуматься об учебе. «Великий вождь, – говорил он, – не зря сказал: учитесь, учитесь и еще раз учитесь...»

Однажды, когда он в очередной раз говорил о необходимости учиться и получать знания, лицо его опечалилось, но он, все так же глядя на Фархода теплым и заботливым взглядом, продолжил:

– Я здесь проник в тайну медицинской науки. Главврач иногда заглядывает в мою палату и разговаривает со мной о человеческом организме, даже приносит книги для чтения. Я теперь знаю, что мои легкие состоят из пузырчатых трубочек и мешочков. Воздух через трубочки входит и выходит, а мешочки, которые подобны грозди винограда, наполнены кислородом, они в нужный момент вводят его в кровь. А при воспалении легких микробы разрушают и уничтожают эти мешочки. Поэтому мое дыхание затруднено...

В тот день они гуляли по больничному парку. Небо было чистым и безоблачным, лучи солнца, падая на листву деревьев, вызвали игру света и тени, создавая загадочную атмосферу. Солнце пробуждало растения, цветы и деревья, заставляло птиц снова петь и щебетать. Земля в ответ на ласку и заботу солнца меняла свое одеяние. Так наступала весна.

Хамдам Одина каждую весну в праздник Навруза водил людей на вершину крепости Муга, и там учитель истории рассказывал о его прошлом величии, потом начиналась игра в чавган¹⁷. Площадку для игры готовил тот же Ораш вместе с учениками, гуй¹⁸ и чавганы хранились на школьном складе под его контролем. Команды формировались из числа учителей, учеников, работников управления колхоза, сельсовета и так далее. Судейство всегда возлагалось на Хамдама Одина, который каждый раз после завершения игры говорил, что мечтает создать в Магияне команду саворачавган – конный чавган. «Наши деды играли в конный

¹⁷ Чавган – тадж. чавгон, букв. «клюка», используется в игре в конное поло.

¹⁸ Гуй – тадж. мяч для игры в поло (чавгонбози).

чавган», – говорил он. И после каждого Навруза непременно председателя приглашали в соответствующие районные инстанции на беседу... Однако неожиданно начавшаяся война надолго отложила и проблему Навруза, и чавгана, и другие трудности, связанные с ними, а потом Хамдама Одина положили в больницу. В тот день он, наблюдая за игрой солнечных зайчиков на молодой зеленой траве и ветках деревьев с уже набухшими почками, вспоминал те игры в чавган в Магияне и в душе чувствовал, что больше никогда не поднимется на ту высоту. И для того чтобы скрыть от юноши свою тоску, печаль и отчаяние, он сменил тему и стал говорить о медицине и о том, как он «открыл тайну медицины». Ему вдруг стало трудно дышать, и они присели на соседнюю скамейку. Хамдам Одина долго молчал. А потом стал говорить о переменчивости и коварстве жизни, взлетах и падениях.

– Жизнь напоминает красивую статую, которая издала кажется изящной, но при приближении к ней вплотную обнаруживаешь в ней много изъянов и царапин; вот о них надо всегда помнить, – говорил он.

А когда стали прощаться, то снова взял руку Фархода в свои ладони и сказал:

– Возьми ключ у уборщицы, забери сюзана домой, до моего возвращения пускай будет у тебя...

Тогда Фарход Озод не догадывался, что Хамдам Одина уже чувствовал приближение смерти и знал, что больше никогда не вернется в Магиян, потому и завещал ему в наследство единственное свое богатство – сюзана, вышитое руками его матери. То сюзана, которое сегодня висит рядом с книжной полкой на стене в доме Фархода.

Тот день и те минуты навсегда осталась в памяти Фархода Озода, но после кончины Хамдама Одины никто об учебе с ним не говорил. Он все так же в неделю раз верхом на коне отвозил письма из деревни в город, а из города привозил в деревню, однако эта работа теперь не приносила той радости, которую он испытывал, когда они вместе с Хамдамом Одина строили здание почты, устанавливали почтовый ящик, белили стены. Юноше казалось, что с уходом Хамдама Одины из его жизни ушла прелесть молодости, мир вокруг него стал грубым и отталкивающим; исчез даже особенный аромат, исходящий от почтового стола, печати, чернильницы, ручки и писем. Это было одиночество, которое громко заявляло о себе, чего ранее не допускало присутствие любящего и заботливого человека, каким был для него Хамдам Одина, оберегавший его спокойствие, не дававший ранить душу...

Надеясь, что занявшись чем-то другим, – может быть, даже бесполезным, – он отвлечется или даже освободится от своего печального состояния, Фарход и не заметил, как пристрастился к чтению адресов на вынутых из почтового ящика письмах и запоминанию имен отправителей и получателей. За этим занятием он совершенно забывал об остальном мире, и неприятные, горестные мысли не беспокоили его. Надписи на конвертах обладали таинственной, скрытой силой и как бы возводили вокруг Фархода стену, через которую из внешнего мира не проникали никакие голоса и звуки. В нем как будто родился какой-то другой человек, которому удавалось, с небольшим усилием и напряжением ума, по почерку проникнуть в состояние души автора в момент, когда тот писал это письмо. Глядя на почерк, каким был написан адрес на конверте, он даже мог предположить, что

изложено в письме. Этому таланту он был обязан письмам, на конвертах которых указывался получатель, но не назывался отправитель.

Таинственные письма сделали его словно одержимым: каждый раз, вынимая конверты из почтового ящика, он прежде всего искал то письмо, надеясь, что на этот раз отправитель укажет свое имя. Однако обнаруживал вместо имени все тот же знак «Z» и терял надежду. Надпись была сделана аккуратным почерком с отличительным наклоном букв, походивших на молодые колосья пшеницы на ветру. Вот этот красивый наклон и манил Фархода, который сразу представлял мгновения, когда из земли появлялись ранние зеленые ростки. Подобное чувство он ощущал и тогда, когда наблюдал за привитыми деревцами и видел только что распутившиеся листочки. Он почему-то верил, что эти письма написаны девичьей рукой, и какое-то смешанное чувство радости и тоски наполняло его душу. Фарход знал того молодого человека, кому адресовались анонимные письма: этот юноша был из солдат, которых призвали в армию уже после войны, поэтому в церемонии их проводов, в отправлении и получении их писем уже не наблюдалось такой шумихи и суматохи, которые были в трагическую военную пору. Теперь те, кто писал письма, не отдавали их Фарходу в руки, а опускали сами в почтовый ящик, и он никак не мог обнаружить автора письма, наклоненные буквы которого были похожи на взошедшую весной травку. Удивительным было то, что от парня приходили письма только на имя его отца. А может быть, анонимные письма по какой-то причине до него не доходили?

Фарход настолько стал одержим этими безымянными письмами, что в своем воображении перебирал всех девушек в деревне: построив их мысленно в одну шеренгу, сравнивал, стремясь обнаружить владелицу этого удивительного, неповторимого почерка, но у него ничего не получалось. В его представлении та девушка должна быть высокой, изящного телосложения, с длинными красивыми пальцами, каштановыми волосами, чарующими глазами, белоснежной улыбкой, описать которую он был не в силах, и губами, напоминающими спелую черешню. Однако никто из деревенских девушек, которых он видел и знал, этими чертами не обладал. И Фарход Озод внутренне был разочарован, что обладательница такого почерка и автор такого письма не была столь красивой, как ему представлялось.

Безымянные письма поступали на почту каждую неделю, уводя почтальона в мир мечтаний и любви. Однажды, когда он верхом на Саманде ехал в город, на перевале Вачагна он вынул из пачки упакованных для отправки писем тот самый конверт и, не отрывая глаз от букв-травинки, долго задумчиво смотрел на него, потом поднял вверх, чтобы солнечные лучи прошли сквозь письмо, и заметил, что внутри конверта между страницами еще что-то есть. Он остановил коня и, отведя руку с письмом подальше от глаз, поближе к солнцу, разглядел веточку с цветком. Поворачивая конверт из стороны в сторону, он пытался определить, что это за цветок, но разглядеть его так и не удалось. Он положил письмо обратно в почтовую сумку и представил себе придуманную им красавицу в тот момент, когда она кладет веточку с цветком в конверт, и он как будто раскрыл конверт и прочитал следующие слова:

«...сегодня, встав с постели, я увидела, что яблоня-кругляшка, растущая у забора, зацвела. Не знаю, почему деревья расцветают ночью? Может быть, здесь кроется какая-то тайна, которую они хотят скрыть от людей? В нашем

саду растут также слива, миндаль, черешня, абрикосы и персики, но я люблю яблоневоый цвет. Цветы яблони среди бесчисленных, только что распустившихся листочков, кажутся мне похожими на маленькие солнышки на зеленом небе. Я очень люблю солнце, весной и летом, когда оно восходит за горой Даврича, мое сердце трепещет. И запах яблоневых цветков я люблю, такой нежный и приятный аромат, который напоминает сладкую мелодию, он пробуждает душу и вселяет в сердце надежду, которую я не ощущаю в других цветках. Я пошла к яблоне вдохнула аромат ее цветов и поцеловала ее ветки, полные цветов, попросила ее не обижаться на меня и дать мне горсть своих цветков. Яблоня-кругляшка сначала не соглашалась, испуганно задрожала, и мне показалось, будто все ее бесчисленные цветочки заплакали, как ее новорожденные дети, которые должны вырасти и, став сладкими яблочками, утолить жажду людей. Мне не хочется рвать цветы и причинять им боль, но я сердцем чувствую, что Вы вдали от родного дома тоскуете по воде и земле Магияна, по аромату его цветов, растений и деревьев. Я это и сказала яблоне, тогда она согласилась подарить мне свою цветущую веточку...»

Фарход Озод, нафантазировавший себе целый рассказ про цветы и их ароматы, неожиданно вспомнил Инессу, удивившись, что после смерти Хамдама Одины он совсем не думал о ней. Но только сейчас он осознал, что память об этой женщине все время, и во сне, и наяву, была с ним, его мысли и раздумья были связаны с нею, а наваждение с безмянными письмами и увлеченность ими были вызваны той страстью. И в облике незнакомой девушки, которую он соткал из нитей своего воображения, проглядывал прекрасный облик Инессы. И после долгих дней борьбы с раздирающими душу мыслями Фарход наконец-то признался себе, что любовь к этой женщине как заноза засела в самом его сердце, и он не может не замечать этого. Признался себе, что это желание исходит из глубины его существа, и оно сильнее его совести и веры. Фарход Озод не однажды взывал и к своей совести, и к вере, чтобы отвергнуть это чувство, выбросить его из сердца, но у него ничего не получалось... Он не мог даже себе признаться, что любит Инессу, а произнести такие слова вслух для него было равносильно великому непростительному греху и неслыханному предательству. И самым удивительным было то, что чувства, связанные с этой женщиной, приносили ему надежду и неограниченную веру, и внутри у него начинала бурлить энергия, и окружающий мир становился безграничным и прекрасным.

В тот день он, погруженный в чувства и мысли, связанные с письмом, цветами и женщиной, не заметил, как день подошел к концу. Солнце уже клонилось к закату, когда Саманд остановился возле ворот почты. Фарход, перед тем как прыгнуть с коня, вытянул шею и заглянул во двор: в конце двора стояла новая машина, а Андреич разговаривал с каким-то незнакомцем. Толстая выцветшая фуфайка, перепосанная широким ремнем, делала обладавшего тучным телом незнакомца еще ниже, чем он был на самом деле. Видно было, что фуфайка ему мала: она жала ему в подмышках, и когда тот поднимал руки, то был похож на задиристого петуха. Его одежда и поведение подсказывали, что до прихода Андреича он возился с машиной и теперь, указывая на нее, жаловался начальнику почты. Лицо человека по сравнению с толстым телом казалось маленьким и худым, и это невольно наталкивало на мысль, что тучность его тела связана с какой-то болезнью. Но живой взгляд и черные глаза говорили о его мягкосердечии

и добром покладистом характере. Андреич выглядел грустным и уставшим, как будто согнувшимся под какой-то невидимой тяжестью, во взгляде его читалась скрытая печаль.

Когда Фарход подошел к ним, начальник почты, пожав его руку, поздравил его, сказав, что наконец у деревенской почты будет своя машина, затем, повернувшись к незнакомому молодому человеку, сказал:

– Это Вартанян, водитель машины.

Фарходу послышалось «Вартан» вместо «Вартанян», и он до последних дней общения с ним так его и называл.

* * *

Войдя во двор, Фарход сразу почувствовал, что здесь чего-то не хватает: как будто его покинул свет, раньше озарявший это обиталище, краски поблекли, стало как-то пусто, кругом ощущалась атмосфера скорби и безнадежности. Дом и сад в тот день казались холодными, как будто они потеряли источник света и тепла. Фарход понял, что Инессы нет дома, и сегодня он не увидит ее. Ведь раньше он ощущал присутствие женщины уже от ворот, приятный аромат праздника заставлял трепетать его сердце, у него перехватывало дыхание, а потом на него нисходило особое величавое спокойствие, которое он испытывал только здесь, в этом доме. А сейчас ничего этого не было...

До того самого момента, как хозяин дома постелил гостю рядом со своей кроватью и они пошли спать, не было сказано об этом ни слова. Но каждое движение, взгляд, интонация Андреича говорили о сердечных муках и душевном смятении, терзавших его. Было видно, что тяжкий груз, камнем лежавший у него на сердце, с каждым мгновением становится все тяжелее, заставляя его открыть свою душу и рассказать о переживаниях. Погасив свет, он вначале завел разговор о том, как перегнать машину в деревню, о Вартане – кто тот, и откуда. Затем незаметно для себя начал жаловаться на свою жизнь, как она сурова к нему, и когда он думает, что вот – все образовалось, все успокоилось, она дает ему затрещину, отравляет душу и уничтожает счастье. Когда он только женился, жизнь его была спокойной до тех пор, пока его супруга не заболела и умерла, но Бог помиловал его, и судьба свела его с Инессой. Он стал ощущать себя рядом с этой красивой женщиной самым счастливым мужчиной в мире, однако отсутствие детей в их семье с каждым днем постепенно убавляло ее чувство любви к мужу и прибавляло отчужденность в ее сердце. Это настолько ранило его, что он иногда под каким-нибудь предлогом спускался в холодный подвал и, закрыв за собою дверь, горько плакал, отводя душу. В эти минуты он вспоминал свою мать и еще горше рыдал, думая, что, если она была бы жива, он мог бы пойти к ней, раскрыть ей свою душу, положив голову ей на плечо. Вдыхал бы с детства знакомый дорогой запах, целовал бы ее огрубевшие руки, которые утерли бы его слезы, и он успокоился бы. А теперь, в этом суровом и враждебном мире, куда идти, перед кем лить слезы и выплакать боль души? Наилучшее место – тот самый темный и холодный подвал. Две недели тому назад Инесса сказала, что очень соскучилась по матери и хочет на несколько дней поехать повидаться с ней. Но сегодня пришло письмо, в котором она пишет, что больше не вернется.

– Нам кажется, что женщины мягки и нежны, на самом деле они бессердечны и жестоки, – обобщил Андреич в ту ночь.

Фарход слушал эту горестную историю под покровом темноты, лежа с открытыми глазами, и мысленно восстанавливал в памяти образ женщины, но удивительным было то, что он не вызывал никаких чувств в его сердце, не волновал его, не нарушал равновесие его души. Как будто этот взрослый мужчина рассказывал ему о какой-то чужой женщине, которую он никогда не видел и не слышал ее голос. Может быть, это было из-за того, что в его сердце воцарилось спокойствие после того, как он осознал, что ее здесь нет. Его реакция и ощущения притупились, и на некоторое время он стал чуждым к происходящему в окружающей действительности. Потому что каждый раз раньше, когда он приближался к воротам почты и представлял себе встречу с Инессой, его целиком охватывало волнение, сердце начинало учащенно биться, все мышцы тела напрягались, а ноги, наоборот, становились ватными. А когда он шел обратно к воротам и выходил из них, то чувствовал себя человеком, отработавшим кетменем целый день на поле, потому что ему было очень тяжело находиться возле Инессы и не выдать себя. Теперь известие о безвозвратном отъезде этой женщины совершило с ним такое, что казалось, он соткан из неживой материи, пульс живого мира в нем не ощущался. Как будто он был рад тому, что теперь в разговоре с Андреичем его больше не будут беспокоить скрытые мысли и тревоги, и он не будет испытывать муки совести, пряча взгляд.

Он долго не мог заснуть из-за того, что рядом Андреич ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал. Где-то в полночь он внезапно открыл глаза и вдруг почувствовал, что все его тело целиком охвачено болью и жаром, что даже малейшее движение причиняет ему беспокойство и страдание. Он впервые ощутил острый и резкий приступ обиды, который внезапно навалился на него, глубокой, холодной и беспредельной обиды за то, что так внезапно и безвозвратно исчезли те мгновения радости, волнения, боли, страданий, стыда, беспокойства и ожидания, когда все его мысли и чувства пробуждались, чутко воспринимая сложный узор жизни, заставляя его метаться и искать. Он осознал, что те мгновения встречи с Инессой и возможность вдыхать аромат ее тела были поистине подарком судьбы для него. Чтобы скрыть свои слезы, юноша накрылся с головой, пытаясь спрятать воспоминания об этой женщине, но все же потом, в дальнейшей своей жизни, встретив какую-либо другую женщину и вдохнув ее запах, он невольно сравнивал его с тем ароматом, который он ощущал в молодости, перенося те чувства из года в год, ценя их все выше и выше. Те дни, те мгновения, как маяки, стояли на берегу реки его жизни, вытаскивали его в разных, даже самых безнадежных и печальных ситуациях из пучины смертоносных волн, указывая спасительный путь. Может быть, так было потому, что те чувства были искренними и свободными, лишены корысти, представляли другой, чистый и новый мир, цвета и запахи которого могла видеть, чувствовать и понимать только душа. Это было его самой сокровенной тайной. Он мог видеть себя вне толпы и без страха прямо смотреть в глаза людям, потому что понимал: он имеет нечто такое и понимает его суть, что другие не имеют и не понимают...

Утром он проснулся рано и ощутил, что обуревавшие его ночью мысли и чувства ушли, а вместо них остались лишь стыд и сожаление. В разговоре и поведении Андреича тоже ничего от вчерашнего беспокойства и расстройства не было заметно, только его помятое лицо и воспаленные веки говорили о недосыпании и душевном смятении. Он явно сожалел о том, что не сдержался и пожаловался

юноше на свою жизнь. Теперь они оба чувствовали неловкость друг перед другом; это смущало Фархода, как будто открылся какой-то его тайный грешок, и он не мог открыто смотреть в лицо Андреичу. За дастарханом они тоже сидели молча, и это возникшее между ними молчание с каждой минутой становилось все тяжелее, даже еда не лезла в горло.

Шум мотора, донесшийся с улицы, вдруг нарушил их уединенную атмосферу, и Андреич, как бы обращаясь не к Фарходу, а к водителю, громко произнес:

– Коня как погрузим в машину?

Фарход Озод не сразу понял, о чем речь. Вначале он представил себе сцену приезда в деревню на машине, как он с гордо поднятой головой едет сквозь удивленную толпу, привлекая радостные и завистливые взгляды. Это наполнило его сердце гордостью за свое дело, и он, испытывая избыток положительных эмоций, глубоко вздохнул и, как будто каждый день ему приходилось решать такие сложные проблемы, спокойно сказал собеседнику:

– За городом машину подгоним к какой-нибудь насыпи...

Андреич, прежде чем сесть в машину рядом с Варганом и поехать на поиски подходящей насыпи, посадил Фархода в кузов, потом из длинного ящика, стоявшего в передней части кузова, вытащил брезентовый мешок и пояснил, что теперь он, вынимая письма из почтового ящика, должен складывать их в этот мешок и доставлять его в город, и обратно из города в том же порядке. Через год, когда партия и правительство стали проводить кампанию по подписке, Фарход Озод стал передовиком в этой кампании, добавив к своей почте еще мешок с газетами. На этом мешке большими буквами красным цветом было написано: «МАГИЯН». Но в тот день он никак не мог насмотреться на новую машину. Это был ЗИС, только что сошедший с заводского конвейера: деревянный кузов и металлическая кабина пахли новой краской и чужим миром, от резины ее колес тоже исходил резкий и отталкивающий запах, но больше всего внимание Фархода привлекли фары машины – две пары больших и поменьше фар, будто какая-то мощная рука силой вынула их из корпуса машины. А стекла на фарах были похожи на две чашки, полные заледеневшей воды в момент всплеска. Другой примечательной особенностью, которая отличала почтовую машину от тех, которые до того момента видел Фарход, были металлическая крыша, надпись на лобовом стекле и белые линии вдоль кузова с обоих боков. Куполовидная крыша, под которой был расположен ящик для писем и газет, занимала полкузова и немного возвышалась над водительской кабиной, а надпись белой краской «Почта» и широкие линии по бокам прибавляли ей еще больше великолепия.

В тот день они погрузили в кузов без особых усилий Саманда, Андреич вернулся назад, а Фарход сел рядом с Варганом в кабину. Тот стал рассказывать о своей жизни, начав с того, что он из тех переселенцев, которые первыми после установления советской власти вначале прибыли в Самарканд, а затем в эти края. Родился он в Самарканде. Отец его был лесничим, любил эти горы и ельники, так как он находил в них что-то схожее с природой и климатом Армении. Он, Варган, с детства бредил наукой и техникой, но ума и способностей хватило лишь на то, чтобы стать водителем.

– Но я не жалею, люблю машину и запах бензина. Машина такое же живое существо, чувствует ласку и похвалу, сколько получит заботы и любви, столько же и отдаст, у нее свой язык, хотя сложный и трудный, – говорил он. – Мне достаточно

мгновение послушать звук мотора, чтобы определить, что он хочет: то ли просит питания, то ли воды, то ли сломался, то ли устал, и ему нужно передохнуть. Мне кажется, что машина тоже испытывает радость и горе, злость и обиду, смеется и плачет, как живое существо. В мире нет бесчувственных вещей, все, в границах своей ценности, проявляют себя. Помню, в нашей школе работал один пожилой учитель, и у него была любимая поговорка, которую он постоянно повторял, что дикие племена Африки с деревьями разговаривают как с людьми. Деревья под сказывают им, когда пришли враги, куда они пошли, и где находится дичь. Потому что они живут в объятиях природы, в гармонии с природой, ее любят больше, чем родную мать, не обижают ее, не угнетают. Природа всегда помнит добро и на добро отвечает добром... Так же и вещи, сотворенные человеком.

Вартан был сверстником Фархода, поэтому они быстро нашли общий язык. И в тот день он так ловко и интересно рассказывал о величии природы, о языке машин, деревьев, о знании их языков им самим и африканцами, что казалось, он рассказывает сказку. И вдруг он, положив руку на плечо Фархода, перешел к другой теме и спросил:

– А ты анекдоты знаешь?

Юноша, слушая байки водителя, думал о том, как они приедут в деревню, какая там соберется веселая компания вокруг машины. Поэтому он, погруженный в свои мысли, даже не успел сказать Вартану, что он не знает никаких анекдотов и не умеет их рассказывать, но в деревне есть некий Бурсшах, который буквально из ничего может создать комедию, все время смешит людей своими шуточками, да и вид у него и характер такие, что вызывали у окружающих улыбку на лице и симпатию к нему, – как тот, видимо, по привычке спрашивать, не дожидаясь ответа, с воодушевлением продолжал:

– Мне нравятся таджикские анекдоты. Хочешь, расскажу?

– Давай.

«...Однажды Мулла Насреддин одолжил свои горшки соседу, устроившему пир. Тот вернул их вместе с одним лишним крошечным горшочком.

– Что это? – спросил Насреддин.

– Согласно закону, я отдаю вам отпрыска вашей собственности, который родился, когда горшки находились на моем попечении, – ответил шутник.

Вскоре после этого Мулла одолжил горшки у соседа и не вернул их.

Сосед пришел к нему, чтобы получить их назад.

– Увы! – горестно сказал Насреддин. – Они умерли. Ведь горшки тоже смертны, не так ли?»

Вартан в тот день долго рассказывал анекдоты, всю дорогу они от души смеялись, пока не добрались до подножия перевала Вачагна. Тут начинался долгий подъем, где часть дороги была размыта селевым потоком. Эту дорогу после войны построили жители деревень с помощью лопат и кетменей, и по ней потом доставляли трактора. ЗИС был из числа тех редких машин, которые могли подняться по такой дороге. Вартан остановил машину, навалившись всем телом на руль, с сожалением посмотрел на размытую дорогу, затем быстро вышел из машины, снял фуфайку и взялся за лопату. Несмотря на то что Фарход познакомился вчера с Вартаном во дворе почты, он только сейчас его толком рассмотрел, когда тот, закатав рукава, вышел из машины. Фарход заметил, что запястья его рук были такими волосатыми, что кожу не было видно, а из ворота рубахи словно клок

шерсти торчал. Глядя на Вартана, Фарход невольно подумал о школе, Дарвине, обезьяне, человеке, и вдруг обратил внимание на то, что Саманд тревожно водит головой. Фарход вспомнил ту холодную снежную ночь, когда он вез из города почтовый ящик и их преследовали волки, и понял, что этот отрезок пути всегда будет опасным и неуютным для него.

Потом они с Вартаном поочередно работали лопатой, прикатали камни и построили суфа¹⁹, засыпали землей и разровняли дорогу. Вартан снова сел за руль и велел Фарходу быстро подложить камень под колеса, если машина вдруг заглохнет и начнет скатываться назад. Молодой человек сложил несколько камней на обочине дороги, а машина тем временем начала медленно двигаться, но лишь немного продвинулась вперед, как ее заднее колесо стало проваливаться в мягкий грунт. Вартан то нажимал на газ, то отпускал педаль, машина двигалась то вперед, то назад, задние колеса снова пробуксовывали, оседая все ниже, из-под колес даже стал идти дым, запахло гарью и жженой резиной.

Занятые машиной, они совсем забыли про Саманду. Конь, пока машина ехала мягко и ровно, вел себя тихо и спокойно, но с того момента, как машина въехала в размытое водою место и стала дергаться вперед-назад, конь начал беспокоиться. Фыркая и тяжело дыша, мотая головой, он бросался от одного борта к другому. В какой-то момент Вартан резко отпустил педаль газа, машина на скорости неожиданно покатила назад и, попав колесом в яму, сильно затряслась. Саманд от испуга шарахнулся в сторону, оборвал вожжи, спрыгнул из кузова вниз на землю. У подножья перевала в теснине гор, ударяясь о скалы, текла быстрая река. Саманд, упав из кузова на землю, скатился вниз по склону, подняв за собой облако пыли и исчез в глубине. Это произошло так внезапно и быстро, что двое мужчин так и остались стоять, как вкопанные, но потом, очнувшись, цепляясь руками за кусты, побежали вниз вслед за конем.

Все сильнее ускоряясь во время падения в обрыв, конь всей тяжестью рухнул вниз, застряв между двух скал. Голова, шея и передние ноги коня были над водою, он всеми силами старался освободиться из каменных клещей, но другая часть его тела была неподвижна. Черные глаза коня были наполнены страхом и болью, казалось, что они вот-вот выскочат из глазниц. Водитель вместе с почтальоном с трудом вытащили коня из каменной западни и холодной воды. Видно было, что у коня сломаны тазовые кости и позвоночник; Саманд пытался встать на ноги, но тело его не слушалось. Каждый раз, когда он прилагал усилия, было видно, что боль в поломанных костях и изодранных мышцах была такой невыносимой, что его ноздри, похожие на двух зверьков, попавших в западню, беспомощно дрожали. Ржание, перемежаясь со стоном, вырывалось из его горла, доставляя невыносимые мучения душе и телу. Казалось, что конь будто хотел унести свое израненное и больное тело куда-нибудь подальше от глаз этих двоих, из последних сил старался, грызя землю зубами, оттащить себя в сторону, боль была настолько острой, что животное уже не могло терпеть ее.

– Он так мучается, надо отрезать ему голову, – сказал Вартан.

Эти слова были настолько неожиданными, что Фарход некоторое время не мог и рта открыть. Разве можно отрубить голову колхозному коню? И ему вдруг вспомнился Хамдам Одина, первый день поездки в город верхом на коне, нож и спички, подаренные председателем сельсовета, и так ему стало на душе тоскливо,

¹⁹ Небольшое искусственное возвышение.

что он с горечью пробурчал себе под нос: «О, если бы вместо председателя умер я, чтобы не видеть всего этого».

Затем, сглотнув подкативший к горлу комок и обращаясь к Вартану, сказал: – Я не смогу...

Когда Вартан, с трудом отняв у него нож, пошел к коню, Фарход заметил, что конь вдруг успокоился, поднял голову, оперся на передние ноги и направил свой взор, полный тоски и отчаяния на вершины Даврича. Может быть, Саманд, почувствовав конец жизни, понял, что здесь конец его пути, на этих жестких камнях, в холодном объятии реки; и что он больше никогда не встанет, не пойдет по дороге перевала, не будет пастись на зеленом цветущем лугу, никогда ласковое весеннее солнце не будет проникать через кожу и мышцы, разогревая его кровь, что оно не согреет его кости, а попутный ветерок не будет ласкать его тело; и это его последняя встреча с солнцем, с небом, с ветром, с речкой и с горою. Поэтому он с такой тоскою и жаждой смотрел на знакомые пейзажи, словно прощаясь с ними. Тут Фарход вспомнил те мудрые сказания Хамдама Одины о коне и заслугах коня перед человеком, которые тот поведал в день назначения его на почтовую службу, под конец добавив: «Из животных только собака и конь обладают таким нравом и повадками, что иногда их ставят в один ряд с людьми. Собака и конь, как и человек, умеют думать и использовать разум, они могут волноваться, радоваться, грустить, понимать боль и печаль человека, догадываться о состоянии его души. Это все я постигаю, когда смотрю в глаза коня или собаки, как будто вижу существо, равное по уму и сознанию человеку, и невольно чувствую, что взгляды коня и собаки говорят: мы такие же, как и ты, только облик у нас другой...» Взгляд Саманда, в котором смешались боль и печаль, долго не отпускал Фархода, и позже, вспоминая этот далекий момент, он понимал, что если бы его взгляд встретился в то мгновение с взглядом коня, то он не смог бы выдержать его. Он подошел к берегу реки и сел, отвернувшись от коня, обхватив голову руками, и уже не мог сдержать слезы.

Почтовая машина подъехала к зданию почты в полдень. И стар, и млад – все, кто был жив и мог идти, все собрались там. Каждый из них хотел залезть в кузов или в кабину, а если это не удавалось, старались подойти поближе и дотронуться до машины. Вартан с трудом уберегал ЗИС от нашествия желающих. Но для Фархода смерть Саманда превратила праздник в траур. Пройдет много лет, и каждый раз при воспоминании об этом дне перед его глазами будет вставать лицо одного мальчишки, у которого половина головы была не сострижена. Может быть, только это сохранилось в его памяти от той суматохи лишь потому, что он, увидев тогда среди волнующейся толпы наполовину стриженного подростка, представил на миг, как тот, услышав новость о прибытии машины, тут же убежал от стригшей его матери, оставив ее с ножницами в руках. И представив эту картину, Фарход забыл ненадолго о гибели коня.

Со смертью Саманда в жизни жителей Магияна открылась новая страница. С того самого дня почтовая машина пять раз в неделю, каждый день ровно в двенадцать часов, не раньше и не позже, подъезжала к зданию почты. Там она стояла не более тридцати минут. Такой точный график приезда и отъезда почтовой машины настолько вошел в сознание людей, что иногда, чтобы вспомнить какие-то события, они связывали его с графиком прибытия почтовой машины. Как Вартан умудрялся никогда не отклоняться от этого графика, знал только он

сам и Бог, но за полчаса до его приезда люди, среди которых были и учителя, и работники сельсовета и правления колхоза, и посетители этих учреждений, уже ждали его. Первым выходил встречать Вартана Фарход, принимавший из кузова машины два брезентовых мешка, в одном из которых были письма, а в другом газеты. Ожидавшие вслед за Фарходом тянулись в здание почты. Вартан же ходил вокруг машины, бил ногами по колесам, проверяя давление в шинах, затем вытаскивал из кармана, прикрепленного сбоку на двери кабины, тряпку и протирал фары, стекла и капот машины. Это он выполнял так аккуратно, не спеша и не суется, как будто занимался творчеством или изобретал что-то. И ровно в тот момент, когда он отправлял тряпку на место, Фарход с одним пустым и другим полупустым мешком выходил из дверей почты. Водитель так точно высчитывал время доставки и приема писем, что не ошибался ни на минуту. И представьте себе, что эта работа выполнялась в таком порядке в течение многих лет до тех пор, пока единое и мощное государство предательски, рукою нескольких глупых и недалёковидных людишек не было внезапно разрушено, разделено на десятки бедных и слабых стран, а в Таджикистане началась гражданская война. А до тех пор один раз в неделю почтовая машина в двенадцать часов дня приезжала в Магиян, а в двенадцать часов тридцать минут выезжала из Магияна; никакое земное и небесное событие не нарушало этот порядок.

Но тогда, в тот далекий день, неожиданная гибель Саманда запятнала честное имя Фархода, его обвинили в безответственности и расточительстве государственного имущества, и, если бы не Андреич, который писал ходатайства в прокуратуру и суд о заслугах Фархода по созданию почты и налаживанию ее работы, несомненно, молодой человек долго сидел бы в тюрьме. Это благодаря стараниям Андреича суд вынес решение о наказании Фархода денежным штрафом в размере шестимесячной заработной платы в пользу колхоза. Поэтому, когда через три месяца Вартан привез прощальное письмо Андреича, Фарходу показалось, что небо обрушилось на его голову, последняя надежда рухнула, единственный друг, проявляющий заботу о нем, покидал его навсегда. Андреич писал: «Мой дорогой Фарход! Инесса так и не вернулась, одиночество стало невыносимым для меня. Я должен поехать за нею. Знаю, у тебя чистое сердце, недремлющая совесть, и твоя гордо поднятая голова непреклонна ни перед какими трудностями, потому я спокоен и хочу, чтобы ты всегда оставался таким...»

Фарход не дочитал письмо Андреича до конца, ему вдруг вспомнился первый день встречи с ним и с Инессой, звуки вокруг него затихли, вздох застрял в груди, он ясно почувствовал, как тихая боль пробежала по позвоночнику и, сильно отдаваясь в мышцах, в виде комка слез застряла в горле. Фарход попытался проглотить ее, очистить горло, вернуть шумы, оживить звуки, стереть лица Андреича и Инессы со страниц памяти, однако из глубины души пробивалась непокорная сила обиды и боли, делая их лица более видимыми, заполняла глаза слезами и вливая в сердце скорбь и отчаяние. Потому что это была такая потеря для него, из-за которой стоило пустить вопль до седьмого неба, оглушив небеса. Где теперь найти второго такого Андреича, чтобы со всеми своими горестями пойти к нему, пожаловаться о трудностях и лишениях жизни, о неблагодарности людей, просить у него помощи, поддержки и заботы? Он всегда с особым достоинством и величием, напоминая собой могучее столетнее дерево, вселяющее в человека надежду и веру, выслушав тебя, отделял правду от лжи, верное от неверного и

наконец говорил: «Нет дела без трудностей, их не бывает у тех, кто не любит работу...» Только Андреич в суде смело и с достоинством встал на защиту Фархода и на обвинения прокурора, который спрашивал: «Почему коня не отвел своим ходом в деревню, уничтожив бесценное государственное имущество? Ради желания покататься и покрасоваться на машине?» – ответил: «Это я погрузил коня на машину, а его посадил рядом с водителем. Тот без сопровождения не мог бы доехать до деревни...» – и, таким образом, с легкостью спас Фархода из когтей прокурора.

9

Через два месяца после этого события новый председатель сельсовета, назначенный на место Хамдама Одины и бывший полной его противоположностью, поставил новым начальником почты своего родственника – инвалида Шамшода, у которого на левой руке не было пальцев. Это его увечье преподносилось с его стороны как признак проявленного им мужества на поле битвы, но земляки поговаривали, что он сам от страха смерти изувечил свою руку. Короче, дело было темное, но рука выглядела так, будто огромные клещи, схватив за пальцы и с силой вывернув их, оторвали половину, а остаток, собрав в комок, положили на ладонь и сотворили удивительно дефектный кулак, который никогда не раскрывался. Кожа на кулаке была сильно натянута и всегда глянцево красна, как незажившая рана, покрытая тоненькой пленкой, из которой вот-вот потечет кровь. Когда взгляд человека падал на нее, невольно думалось о безжалостно переломанных в спешке костях, мысли и чувства сотрясались, вызывая брезгливость и ненависть. Рукав Шамшода постоянно был подогнут внутрь на этой руке, она при ходьбе сильно раскачивалась, будто показывая себя, какая она есть; а здоровая рука была спокойна и из рукава не высывалась...

– Времена изменились, а ты человек без образования и...

Что подразумевалось после этого «и», председатель умолчал, но Фарход догадался, что тот хотел сказать о гибели Саманда и привлечении самого Фархода к судебной ответственности. Слова «человек без образования» были предлогом, ведь однорукий Шамшод тоже не был выпускником университета. Он вспомнил Хамдама Одину в те времена, когда они вместе с ним строили здание почты, и вдруг в ушах словно зазвучал голос того, кто и на смертном одре думал о нем, о будущем Фархода, говорил ему о том, чтобы тот учился. Он мысленно сравнил его с тем, кто стоял с ним лицом к лицу, и без обиды сказал:

– Времена, может, и изменились, но вот добросовестных и правдивых людей, видно, не осталось...

Председатель, будто проглотив что-то раскаленное, переменявшись в лице, весь покраснел и зло бросил:

– Быть почтальоном тоже неплохо. Могу...

Фарход Озод неделю не выходил за ворота, срывающийся на крик голос председателя, который свидетельствовал о его самомнении, мстительности и злобе, постоянно звучал в его ушах: «Могу!...» Теперь судьба Фархода была в его руках: он может поставить его почтальоном или вообще выгнать из почтовой службы. Выгнать его, человека, который в войну и после нее долгие годы и в снег, и в дождь, и под палящим солнцем, как челнок, мотался между городом и деревней, чтобы доставить весточку людям и сохранить тепло надежды и радость в их

сердцах, который на этом пути не однажды встречался лицом к лицу с бедою, вступал в схватку с хищниками, падал с обрыва, обморозил пальцы ног и рук, который вложил столько труда в строительство здания почты и привез издалека дверь и окна для нее... и в конце концов наладил работу почтового отделения. Было бы правильно, если председатель, вспомнив все эти заслуги, сказал бы: «Наступили другие времена, и работа почты тоже изменилась, но никто другой не сможет управиться лучше с нею, чем ты, возьми только еще одного почтальона».

Но прошла неделя, и никто о нем не вспоминал. Однажды Вартан, в те полчаса, которые он был в Магияне, зашел в гости к Фарходу. Водитель, поговорив о том о сем, ни словом не обмолвился о работе, но на прощание, по привычке, опять рассказал анекдот:

– «Когда Мулла был судьей в своей деревне, в его комнату, где он слушал дела, прибежал растрепанный человек, требуя справедливости.

– На меня напали и ограбили. Я требую, чтобы нашли виновного. Наверняка это сделал кто-то из вашей деревни. Он отобрал у меня все: халат, саблю и даже башмаки.

– Давайте разберемся, – сказал Мулла, – ведь он не снял с вас нижнего белья, которое, как я вижу, все еще на вас?

– Нет.

– В таком случае, он не из этой деревни. Здесь все дела делают тщательно, до конца. Я не могу рассмотреть ваше дело...»

И добавил:

– На кого жалуешься и кому дерзишь? Думаешь, будут горевать и скажут, мол, жаль, Фарход был хорошим работником и незаслуженно уволен с работы на почте. Что ты, они Бога, своего создателя, не вспоминают и не благодарят. Голова дана человеку для того, чтобы думать...

Фарход Озод задумался над анекдотом, который рассказал ему Вартан, подумал о Мулле Насреддине и жалобах потерпевшего, потом спросил у себя: почему же никто из его земляков, друзей, тех, среди которых он родился и вырос, отдавая им свою душу и тело, служа им верой и правдой, не вспомнил его. Никто не сказал: а где Фарход? Неужели такое возможно – быть столь безразличными к судьбе человека? Хамдам Одина говорил, что он в жизни больше всего боится неблагодарности и безразличия. Нет боли и страха сильнее, чем боль и страх неблагодарности и безразличия! Может, поэтому, пока он был жив, его мысли, слова и действия были направлены против неблагодарности и безразличия; он благодарил за самое малое, не был безразличным даже к деревцу, растущему у дороги. «Если это деревцо будет срублено неблагодарной рукою или же высохнет от зноя без влаги, то в нас тоже погибнет что-то красивое и погаснет душевная энергия, приносящая радость», – предупреждал он. Безмерная благодарность милостивому Создателю, что не оставляет мир без таких людей, как Хамдам Одина и Андреич!..

В тот день, когда Вартан навестил его, вдруг солнце по-другому засветило, вокруг стало красивее, сердце наполнилось радостью, а в душе поселилась вера. И когда эти ощущения, зарождаясь где-то в его теле, превратились в греющую душу любовь, он спросил себя: почему он должен обижаться на кого-то, требовать вознаграждения за работу, ожидать похвалы и ласки? Ведь поступать всегда честно, не обманывать и не лгать, работать по совести – это не для того,

чтобы говорили о тебе, ставили тебя в пример, твое поведение приводили как свидетельство благоразумия, твое имя сделали знаменем и поднимали над головами. И если так не получилось, тогда почему ты должен скорбеть, злиться на весь мир и на людей, жаловаться и рыдать, спрятав голову под одеяло, сидеть в ожидании вознаграждения? Это повадки нищих, ведь нищий – раб желудка, а ты, выходит, раб похвалы и ласки. Думать так – страшная и неизлечимая болезнь. Но нищий и самолюбивый этого не замечают, им кажется, что они самые здоровые люди. Хамдам Одина говорил: мир потому такой развращенный, что человек на все смотрит с позиции своих интересов, ищет корысти и вождельения. Он всегда ставил в пример дерево и солнце: дерево не для того приносит сладкие плоды, чтобы о нем говорили и его хвалили, а солнце не потому дарит жизнь, чтобы поклонялись и молились ему. Их натура такова: давать плоды, сохранять жизнь...

Эти мысли пришли в голову Фархода Озода после слов Вартана, и он сказал самому себе, что если для деревни и его жителей он что-то сделал, то почему должен надеяться на похвалу и ласку? Работал, получал заработную плату, нормально питался, одевался; он же не как дерево и солнце, трудился не безвозмездно. И он поклялся себе, что завтра пойдет на почту, повесит на плечо сумку почтальона и пока жив, будет служить людям. Но, увы, проснувшись на рассвете, он ощутил, что все его существо снова охватило чувство обиды, и тот разумный, кто появился у него внутри после ухода шофера и приводил много примеров и образцов правильного поведения и помыслов, исчез, и от вчерашнего энтузиазма и хорошего настроения не осталось и следа. Но Фарход понимал, что вчерашний разговор с шофером и воспоминания о Хамдаме Одина, приведенные им доводы и притчи не ушли из головы и сердца бесследно.

Однорукий Шамшод, будто демонстрируя редчайшую находку, поставил искалеченную руку на кучу писем, лежащую на столе, а здоровой рукой ставил печати на них с таким видом, как будто работал не человек, а автомат: время движения печати от подушечки с краской до письма и обратно было одинаковым, не менялось; звуки тук-тук от удара печати обладали ритмом, ласкающим слух. И самым удивительным во всем этом была работа искалеченной руки: когда печать шла к подушечке, этот обрубок из кучи писем толкал вперед одно письмо, после чего печать возвращалась обратно. В этом процессе руки Шамшода работали автономно, и когда он разговаривал с людьми и забывал о руках, то они продолжали двигаться синхронно, выполняя ту же задачу, и ни на йоту не ошибались. Фарходу показалось, что Шамшод начал работать не неделю назад, а все время, пока стоит это здание, он сидел за этим столом и так же автоматически ставил печати на конверты.

Мужчина, почувствовав взгляд Фархода, не отрываясь от работы, поднял голову:

– Пришел?

Фарход Озод сразу понял, что с этим человеком он никогда не сможет подружиться или стать просто приятелем, как это у него было с Хамдамом Одина и Андреичем, но не сможет и оставить работу на почте. Потому что как только он вошел внутрь, печать, подушечка, письма и ручки, распространявшие вокруг специфический запах металла и чернил, пробудили в нем воспоминания, напомнив о том далеком весеннем дне, когда он по поручению Хамдама Одины пришел

в гостевой дом Устофаяза, и на столе возле двери увидел эти вещи, и, вдохнув их запах, навсегда обрел в своем сердце любовь к почте, письмам и перу, и эта любовь прибавляла ему энергии и веры в самые трудные дни и облегчала любые трудности в жизни. Поэтому небрежное отношение Шамшода к нему пробудило в Фарходе дремавшего в нем упряма, с которым пришлось договориться о том, что пока жив Фарход, он должен стоять лицом к лицу с Одноруким и доказать, что по работе он превосходит его и никогда в жизни не склонит голову перед тиранией жизни и бесчестностью людей.

С тех пор он с сумкой почтальона на плече с утра до вечера ходил по домам, напоминая людям о необходимости быть в курсе событий в стране и в мире, подписывал желающих на газеты и журналы. В тот год Магиян раньше всех завершил это важное политическое мероприятие, а Фарход Озод был премирован двадцатью рублями. И еще в те дни он вспомнил о журнале «Почта СССР», и до самого распада СССР этот журнал ежемесячно поступал из Москвы в Магиян. Увлекательным занятием для него стало вырезать из журнала многочисленные статьи об истории почты, письма из эпистолярного наследия и вклеивать их в большой альбом...

Рассматривая теперь старый, поблекший, запыленный почтовый ящик, он вспомнил то лето, когда он покрасил здание почты в синий цвет, выделив его среди белых домов на центральной аллее. В тот год первый раз часть дороги в центре деревни заасфальтировали, все дома побелили, а на крыше здания сельсовета установили красный флаг. Но только дорожка, ведущая к почте, была покрыта асфальтом, а с двух сторон от нее расположились цветочные клумбы. Если кто-нибудь внимательный хоть раз видел здание городской почты и запоминал эту панораму, то ему сразу приходило на ум, что почтальон из Магияна точно скопировал ее у себя в деревне. Цветник во дворе городской почты был творением Инессы. И Фарход, приехав впервые верхом на Саманде в город и увидев ее цветник, был навсегда покорен красотой удивительных, неизвестных ему цветов, но потом, познакомившись с создательницей этой неземной красоты, навсегда сохранил в потаенных глубинах своего сердца ее прелести и незабываемый аромат. Во время тех коротких встреч и мимолетных разговоров с Инессой, наполненных таинственными, теплыми и волнующими чувствами, которые всегда выбивали юношу из привычной колеи, он брал у нее семена, расспрашивал ее и запоминал, как их выращивать. Потом Фарход Озод выращивал цветы Инессы в своем саду, и когда Однорукий Шамшод стал начальником почты, Фарход наряду с должностью почтальона занялся обустройством прилегающего к зданию почты земельного участка. И из числа запоминающихся и волнительных дел на этом пути была покраска здания почты в синий цвет.

Вартан за те полчаса, пока Однорукий Шамшод разбирался с поступившими письмами и вручал ему письма на отправку, все так же ходил вокруг ЗИСа, простукивая ногами шины, протирал пыль на капоте и стеклах машины и рассказывал новые услышанные или придуманные им самим анекдоты Фарходу, который теперь эти полчаса всегда находился с ним рядом. А потом он говорил ему: если тебе что-нибудь будет нужно из того, чего здесь нет, скажи мне, я привезу тебе из города, или можешь сам сесть рядом со мной в машину, поехать в город, сделать там свои дела, остаться у меня на ночлег, а утром вернуться назад. Фарход каждый раз откладывал поездку в город на другое время: после отъезда Инессы

и Андреича такое желание у него редко возникало, но однажды он попросил у Варгана привезти пакет краски цвета ультрамарин. «Хочу здание почты покрасить в одинаковый цвет с почтовым ящиком», – сказал он. Варган, не придав особого значения такому странному желанию своего друга, на другой день привез не один, а два пакета порошка. Но когда Фарход, закатив рукава, разбавил синий порошок с белой известью и привязал щетку на какую-то палку, к нему подошел Однорукий Шамшод:

- Что ты собираешься делать?
- Красить.
- Краска ведь свежая...
- Другим цветом хочу покрасить.
- Каким цветом?
- Синим.
- Почему синим?

Фарход, аккуратно положив щетку рядом с ведром с известью и, словно открывая какую-то тайну, сказал на ухо Шамшоду:

- Это поручение сверху, – сказал он, подняв глаза к небу.

Однорукий Шамшод, сделав шаг назад, изменившись в лице, с тревогой посмотрел в глаза почтальона:

- Какой верх?

У Фархода вырвался смех, в котором не было и тени насмешки и иронии, он снова взялся за щетку:

- Здание почты должно отличаться от других зданий.
- Шутишь что ли?

– Андреич говорил, что услуги почты связаны с символами и тайнами, происхождение ее древнее, а будущее долговечно, простые признаки того, что почта существовала еще в древние времена, можно обнаружить даже в пещерах. Почтовая служба не похожа ни на какие другие работы, поэтому ее здание тоже не должно походить на другие здания...

Однорукий Шамшод раздраженно прервал его размышления о почте:

- Кто такой Андреич?

И тогда в тот день Фарход стал рассказывать ему о том, как строилась почта, каких трудов стоило привезти дверь и окна, об установке почтового ящика, о своей поездке на машине, о смерти Саманда, о своем горе и добавил, что, если не было бы Андреича и самопожертвования Хамдама Одины, вероятно, сегодня он, Однорукий Шамшод, не сидел бы так самоуверенно за этим столом. И не послушавшись начальника почты, который обвинял его в самоуправстве и вредительстве, перекрасил здание почты в синий цвет, и наконец оба, потеряв выдержку, схватили друг друга за грудки. Фарход Озод повалил Однорукого Шамшода на землю и, придавив ногой ему горло, чуть не задушил его. За это хулиганство он получил пятнадцать суток, в течение которых подметал городские улицы, чистил канализационные колодцы, выполняя грязную работу, и единственный человек, кто нашел его и посочувствовал, был водитель Варган. Однажды вместе с узелком, который он каждый вечер приносил Фарходу, невзирая на его протесты и повторяя, что здешняя пища не питает душу и не прибавляет сил телу, он принес журнал «Почта СССР».

- Вчера поступил, свежий, – сказал он.

Все те пятнадцать дней Фарход работал до обеда, но бывали дни, когда он весь день сидел в подвале отдела милиции. Это были самые тяжелые дни заключения, которые никак не кончались, мучительные думы изматывали душу. Он согласен был чистить и мыть туалет отдела милиции (хотя однажды, отказавшись от этой работы, получил тумачков), лишь бы не оставаться в сыром, вонючем подвале, полном блох и клопов. Появление журнала немного облегчило его положение, теперь юноша мог читать его, не отрываясь, к тому же в этом номере в рубрике «Из истории почты» было столько рассказов об удивительных событиях, связанных с почтой, что Фарход, прочитав журнал за эти дни от корки до корки, начинал читать снова с первой страницы журнала, глубоко проникая в смысл статей, на некоторое время забывая и о зловонном подвале, и о грубости милиционеров, и вообще об отделе милиции. Из множества статей, которые он вырезал из журнала «Почта СССР» и клеивал в большой альбом, он навсегда запомнил именно эти отрывки, потому что в те тяжелые дни вынужденного одиночества они были ему отдушиной, приглушавшей боль сердца и прибавлявшей стойкости душе, поэтому они сохранились в его памяти навсегда.

«В Древней Греции почтовая служба была хорошо налажена. Государство нанимало на эту работу быстроногих мужчин, которые за час проходили два фарсанга. Самым известным скороходом из их числа был некий Филиппид, который в 490 году до нашей эры принес в Афины весть о победе в Марафонской войне и из-за обезвоживания и усталости тут же отдал богу душу...»

Самым удивительным из всей собранной коллекции сообщений об истории почты была заметка об истории писем, которые, в закупоренных бутылках десятилетиями и столетиями плававшая в морях и океанах, в конце концов добиралась до берега:

«Колумб намеревался известить королеву Испании Изабеллу, а через нее весь мир об открытии Америки. Положил письмо в бутылку и бросил в океан. Но бутылка выплыла в проливе Гибралтар через 359 лет ...»

Но самой близкой сердцу Фархода была следующая заметка:

«Первый почтовый ящик появился в начале шестнадцатого столетия во Флоренции. Его построили из дерева и поставили возле церкви, наверху в нем было сделано отверстие. Люди тайно бросали в него анонимные письма о врагах государства. В том же веке английские мореплаватели, с целью оповещения друг друга посредством писем о событиях в морской акватории и на просторах суши, на берегу ставили каменные ящики...»

Эта заметка напомнила молодому человеку о той далекой бурной зимней ночи, о почтовом ящике, о стае волков. Он вспомнил Саманду, миндальное деревце... Комок тоски и боли застрял в его горле, и он, лежа на голых деревянных нарах в холодном подвале, поклялся, что даже если Однорукий Шамшод еще хоть сто раз отправит его в тюрьму, он все равно перекрасит здание почты в синий цвет. Он это сделает не из мести и ненависти к начальнику почты, нет, – ненавидеть и мстить не в его характере. Он это сделает из чувства благодарности к Хамдаму Одине и Андреичу за их старания, из уважения к жителям Магияна, к Вартану за его заботу и поддержку почты, за выполнение им своих служебных обязанностей и, наконец, в память о Саманде, который погиб, отдав свою жизнь за почтовое дело. Каждый раз, когда он будет красить здание почты в синий цвет, это он будет делать в знак того, что их дело не забыто и не должно быть забыто. Если их имена

забудут и не останется следа от их трудов, то существование самого Фархода в этой жизни бессмысленно, как дождь в пустыне и колючки в саду.

После того как Фарход освободился, Однорукий Шамшод сказал ему: когда тебе захочется покрасить здание почты, крась в любой цвет – синий, красный, черный, мне нет дела до этого, но только чтобы газеты и письма людей своевременно доставлялись до адресатов, и чтобы не было жалоб. В таком предупреждении не было нужды, на работу почтальона никогда не было жалоб, просто начальник почты хотел таким путем как-то начать с ним разговаривать. У него не хватило благородства и смелости попросить прощения, язык не поворачивался, чтобы сказать, что он допустил ошибку, позавидовав проворному и трудолюбивому парню Фарходу, не справился с порывом злобы и неприязни. Молодой человек сказал, что он не жалеет о том, что с ним произошло; человек должен испытать и взлеты, и падения: «Я за те пятнадцать дней, пока сидел в милиции, узнал для себя нечто важное, – в жизни нет ничего, дороже свободы. Я понял, что если бы остался там еще на пятнадцать дней, то те искры, которые рождают во мне ощущение тепла, любви и радости и постоянно наполняют мое сердце надеждами, сопутствуя мне и направляя меня к тому, чтобы говорить доброе, творить доброе и мыслить о добре, погаснут. Тогда любовь, вера и надежда умрут во мне, и моя жизнь превратится в скучное занятие – просто существовать».

Вот с такими мыслями в голове и с сумкой почтальона на плече Фарход Озод ходил по домам, разносил жителям газеты, вышедшие в тот же день в Москве, утром доставленные в районный центр и наконец в 12.00 на ЗИСе Вартана привезенные в Магиян. Раз в квартал, четыре раза в год он красил здание почты в синий цвет, чтобы оно выделялось среди других зданий; он думал, что так благодарит прошлое и ушедших, и ему не приходило в голову, что время так быстро проходит, унося с собою те вещи, которые никакими способами невозможно вернуть.

Однажды он осознал, что старость подошла. Это произошло тогда, когда почтовую машину пригнал в Магиян другой водитель, и на вопрос Фархода ответил, что Вартан уволился, русские тоже уезжают, появились какие-то группировки, людей обижают, порочат прошлое, перечеркивают его...

В тот момент Фарход понял, что ему уже не под силу ходить часами по улицам деревни с наполненной газетами и письмами сумкой на плече. Он с болью думал, что судьба всегда сводила его с достойными людьми, как с друзьями, так и сослуживцами, вселяла чувство привязанности и любви к ним, хотя через некоторое время забирала их. Смерть Хамдама Одины, отъезд Инессы и Андреича долго причиняли ему печаль и боль, делали его уставшим и подавленным, однако то, что и Вартан неожиданно и без предупреждения его бросил, в один момент сделало его старцем, навсегда выбило из колеи. Это был последний приезд почтовой машины в Магиян...

10

– Внутри что-то есть, – сказал Навруз и, подняв ящик на уровень уха, встряхнул его.

Фарход, посмотрев пустым и равнодушным взглядом на внука и на выцветший от времени ящик, вспомнил, как толпа на другой день с 12 до 13 часов дня ожидала прибытия почтовой машины, глядя с нетерпением в сторону Вачагна, но вместо машины пришло известие о том, что вооруженные люди на подступах

к перевалу выставили посты и перекрыли проезд, и теперь без их разрешения никто не может въехать в деревню или выехать из нее. «Все, – сказал Одно-рукий Шамшод, – уроду не страшна оспа», и на двери почты повесил замок. Будто начальник почты этими словами и этим поступком решил покончить с эпохой совести и справедливости и объявить о начале времени коварства, обмана и лжи. Потому что после этого произошли такие события, которые увидеть и пережить было труднее, чем умереть и не видеть. Фарход сам себя заключил под домашний арест, месяцами не выходил за ворота и, увидев, что другие заняты уничтожением своих земляков и разрушением страны, с головой ушел в садоводство и разведение деревьев. В те годы на ветвях тополей вокруг его сада зацвели разноцветные розы, каждое дерево – будь то яблоня, абрикос или груша, – приносило разнообразные плоды и разносило славу Фархода как мастера-садовода далеко за пределы Магияна...

– Что-то все-таки там есть, – повторил Навруз в нетерпении и положил ящик к ногам деда...

Видно было, что у старика нет желания заниматься этим ящиком и даже дотрагиваться до него, но настойчивость внука заставила его встать с места, спуститься в подвал и чуть погодя, с трудом поднимаясь, выйти с брезентовым мешком в руках. Это был тот мешок, в который он долгие годы пять раз в неделю складывал те письма, которые забирал из ящика, а в тот последний день после отъезда почтовой машины вместе с сумкой отнес и положил в подвал. У мешка сверху имелась металлическая окантовка, за которую старый почтальон подцепил мешок к нижнему краю ящика, где были специальные пазы, и с силой сдвинул назад. Раздался звук от трения ржавого металла, однако низ ящика не открылся. Фарход понял, что в его руках уже нет прежней силы, чтобы открыть ящик, который на протяжении многих лет был закрыт. Сердце его наполнилось чувством тоски и безнадежности, он сожалел, что послушался внука и взялся за такое бесполезное дело, но было поздно, отступить было нельзя, потому он сказал внуку, чтобы тот помог, взявшись за другой край. В голосе старика прозвучали нотки злости и досады. Навруз взялся за левый край металлической окантовки, и оба они одновременно дернули изо всех сил. На этот раз низ ящика легко открылся, а затем закрылся.

Подросток открыл мешок и с интересом вытащил оттуда несколько помятых, запыленных, пожелтевших, безымянных писем. Время стерло надписи на конвертах, и они уже не читались, также кое-где виднелись пятна от металлической ржавчины. В тот час старые письма, дряхлый ящик, старый почтальон, его вид и уставший взгляд с тенью тоски и боли говорили о том, что теперь некие ценности прошлой жизни безвозвратно канули в вечность, превратились в ничто, унесли с собою любовь, веру и надежду, превращая мир в нищего и беспомощного старца. Письмо для Фархода Озода было не просто куском бумаги, а святой вещью, особенно письмо, находящееся внутри пакета с сургучной печатью. Он считал печать одной из самых таинственных вещей, он был уверен в том, что сила и мощь ее существуют в сути, скрытой от глаз мира сего, ее невозможно увидеть, понюхать и попробовать на вкус, но ее могущество проявляется в том, что покоряет мысли и чувства. Вот эта скрытая мощь печати придает письму величие, относит из одного края мира в другой; письмо без печати само по себе никуда не пойдет. Много раз случалось так, что письмо с поставленной им печатью из Магияна

доходило до Германии, однако, не находя адресата, возвращалось назад. И вот еще что: написание письма – это дело тайное и интимное, скрытое от чужих глаз, которое, не ломая нимб слова, сохраняет целомудрие; письмо – это драгоценные капли из сладчайшего родника сердца, которые рождаются в уединении с ручкой и бумагой. Слово, изложенное в письме, по-иному не произнести; сок истечет, цвет и запах улетучатся. Поэтому чтение писем имеет такое наслаждение, которое несравнимо ни с какими другими текстами.

Старик с надеждой несколько раз переворачивал истрепанные письма, однако не нашел никаких признаков имен и фамилий. Он хотел вернуть их авторам. Если вместо него был бы другой человек, может быть, об этом и не подумал бы, однако Фарход Озод был почтальоном, который всю свою жизнь посвятил этому делу, и он должен был это сделать. Иначе его совесть будет мучить, он не сможет спать, на сердце будет беспокойно. Ведь было время, когда множество писем возвращались с фронта, не терялись...

– Подождите, – сказал Навруз, который следил за тем, как дед рассматривает письма, и взял одно из его рук: – У этого есть имя...

– Я ничего не вижу, – произнес Фарход Озад и пошел обратно к кату²⁰.

– Здесь еле видно, но можно прочесть, – крикнул внук вслед деду. – Ораш.

Фарход остановился. Навруз подошел к деду, с удивлением глядя на него, и протянул письмо. Старый почтальон приблизил конверт к глазам, но не обнаружил написанного. Уже давно глаза не различали букв, но он упрямо не признавался в этом. Ораш умер шесть лет назад. Сколько же лет это письмо пролежало в ящике? Лет восемь? Десять? Из его семьи никого не осталось. Ораш был последним из них. Других расстреляли у него на глазах – детей, внуков, всех. Орашу сказали: ты сам умрешь от горя. Так и случилось. Эта трагедия произошла через год после исчезновения почтовой машины. В том году, когда в Магияне совесть, вера, знание и талант пали перед оружием, никто не нуждался в них. Деревенская школа стала штабом вооруженных группировок, а из числа учителей только пожилой Ораш стал протестовать, закрыл двери школы и три дня не выходил из класса. Однако он был в одиночестве, а с толпой невежд и глупцов было трудно совладать. Тот Ораш, который на уроках всегда приводил удивительные сказания об Александре Македонском, его коне Буцефале, о благородстве Якуба Лайса... Каждый урок Ораша Озара для Фархода был красивой сказкой в те годы. Однако воспоминания о тех днях не согрели его уже остывшее сердце, не вызвали никаких чувств и желаний, видно, что ушедшее время и груз старости очерствили его душу, сделали твердокаменным его нрав, и он уже с большей легкостью ожидал встречу со смертью и меньше испытывал привязанность к этой жизни. Вскрыть и прочесть чужое письмо для него считалось низостью и тяжким грехом, но кому отдать письмо Ораша, кому его вручить? Может быть, есть кто-нибудь из его родни, кто проживает не в Магияне? Нет, лучше он все сожжет и больше не будет вспоминать ни о тех, ни о других. Он сказал внуку, чтобы тот принес спички, и сжег письма у него на глазах.

Когда внук, взяв письма из его рук, понес их к огню, Фарход невольно воскликнул, как будто не он, а другой человек это произнес:

– Дай сюда письмо Ораша!

²⁰ Кат (тадж.) – широкая деревянная кровать, служившая в летнее время для отдыха, а также для сна.

Потом осторожно вскрыл конверт, вытащил письмо и, как будто это было святое писание, с почтительным уважением развернул лист и несколько мгновений, не шевелясь, смотрел на него. Чуть погода с какой-то усталостью и отчаянием произнес:

– На, читай!

– Начала нет, оно размокло и стерлось.

– Читай дальше.

Навруз, спотыкаясь от волнения, начал читать:

«...я потому обращаюсь к Вам, что из числа живых людей никого не считаю достойным услышать правдивое слово. Не вижу ни одного человека, который говорил бы правду, шел по пути правды и заступался за правду. Было время, были Люди, которые за правду отдавали жизнь, без страха шли навстречу смерти, выдерживали неслыханные пытки, но от правды не отказывались. Жизнь с такими людьми становилась красивой, ее величия прибавлялось, она приобретала смысл, шла уверенно вперед, преобразовывалась. В Магияне до сих пор жива легенда о храбрости человека по имени Комрон, который жил в давние времена и погиб за торжество правды. В Магияне в те времена была большая крепость, в которой обитал правитель, сейчас от нее даже руины не сохранились. Крепость находилась в центре деревни, из ее величественных покоев дворы и сады просматривались как на ладони. Беспощадный правитель был из чужого рода и не любил местный люд, и каждый раз, когда с той высоты он смотрел на деревню, для собственной забавы и чтобы запугать жителей деревни устраивал всякие козни, осуществляя их с помощью своих подпевал и доносчиков. Его притеснения и наглость с каждым днем усиливались, но жители трусливо молчали, никто не осмеливался спросить, почему так происходит, наоборот, воздавали хвалу правителю и оказывали еще большие почести. И Комрон однажды сказал: «Как жаль вас, рабов, что перед этим бездушным стяжателем и коварным лжецом кланяетесь, как пальцы перед кулаком, и он как хочет, так над вами и издевается. Сколько будете терпеть?» Об этом донесли правителю, он приказал вытащить его язык и долго скручивать. До той степени ему скручивали язык, пока он не опух и перестал помещаться во рту. Комрон стал писать эти слова кончиком ножа на деревьях, острыми камнями выводил на склонах и скалах. «Свяжите ему руки и ноги и бросьте в реку!» – поступил приказ на этот раз. В полночь колесо мельницы прекратило крутиться, монотонный звук работы жернова, который баюкал мельника, напоминая ему колыбельную матери, умолк. Мельник вытащил из горловины желоба тело Комрона, развязал ему руки и ноги. Тот еле ворочал языком, мельник склонился ухом к нему и услышал: правитель – лжец и подлец, ах, как жаль вас, рабов... И умер. Мельница, ее монотонный звук и все, что окружало мельника, настолько потеряли для него всякий смысл, что он, не отрываясь, долго смотрел на бездыханное тело Комрона, затем, спрятав кинжал под халатом, пошел в крепость. «У меня тайное сообщение к правителю», – сказал он. Охрана подумала, что это очередной осведомитель... Вот так гибель за правду сделала вечной память об этих двоих...

Теперь такие люди, как Комрон и мельник, очень редко встречаются. Когда толпа глупцов и невежд, выгнав детей из школы, превратила ее в штаб бандитов со звериными повадками, ни один учитель не возмутился. Я не могу в бредовом сне представить человека таким беспомощным и униженным. В тот день я увидел учителей, соседей и земляков без маски и содрогнулся; часть спряталась в

подвалы, но большинство, согнувшись, пошли за вооруженными невеждами. И все поделили между собой: сады, строения, земли, дороги... горы. Имуущество и собственность, которые были созданы трудом и средствами народа, стали собственностью нескольких подонков. Закон, совесть и честь в Магияне нынче – сын Шакара, тот, кто в школе не знал, сколько будет дважды два. Где Вы, чтобы увидеть все это и схватиться за голову! Одного меня никто не услышит, я остался в одиночестве, и это одиночество досталось мне очень дорого...»

– Конца тоже нет...

Фарход не мог взглянуть в лицо своему внуку. В тот миг, когда он дошел до фразы «часть спряталась в подвалы», у него сдавило сердце, ему трудно стало дышать, холодный пот выступил на верхней губе и на лбу; письмо Ораша уличило его. В те дни, когда горстка негодяев разрушала хозяйства и угнетала людей, он заткнул уши ватой, запер ворота и успокоил себя пословицей, что «сидеть лучше, чем бегать и скрываться». Но он не считал такое свое поведение результатом трусости и равнодушия. Теперь из письма Ораша выходит, что это не так, Фарход ошибался. Но кому он писал это письмо? Из письма выходит, что оно обращено к тому, кого нет в живых...

Мальчишка смотрел на деда с беспокойным и расстроенным видом. Он не знал человека по имени Ораш, а также сказание о Комроне и мельнике, но сын Шакара – это был тот, кто разрушил здание почты и выбросил на дорогу почтовый ящик, сделав его игрушкой для детей. Фарход, усталый и расстроенный, взял письмо из рук внука, с трудом встал с места и пошел в дом, там открыл большой альбом и положил письмо среди заполненных страниц с аккуратно вклеенными вырезками из журнала. И пообещал себе, что больше не будет копаться в воспоминаниях о тех днях и постарается все забыть. На другой день, когда он хотел выйти на кат, на свое постоянное место, то увидел, что Навруз красит почтовый ящик.

– В неделю раз буду возить письма людей из деревни в город, – сказал он.

Потом он вынес заново выкрашенный ящик, на котором было написано слово «Почта», и повесил его на стене рядом с воротами. Точно так же, как когда-то Фарход, вместе с Самандом в ту бурную тяжелую ночь воюя с волками, обморозив руки и ноги и наконец доставив ящик в Магиян, повесил рядом с дверью почты...

2012 год

Перевод *Ольги Фоминой*

Юнус Юсуфи родился 15 марта 1955 года в селении Магиян Пенджикентского района Таджикистана. Один из ведущих современных прозаиков Таджикистана, автор многих повестей, рассказов и романов, таких как «Голоса не молчат», «Женщина и паук», «Легенда о Большой Медведице», «Поджигатель» и др. Секретарь Союза писателей Таджикистана. Лауреат премии Садриддина Айни Союза писателей Таджикистана.

